

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1933 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

9-й год издания

ЧТО ОБЕЩАЛИ И ЧТО ДАЛИ

(Итоги шестнадцати лет марксистской диктатуры в России)

Исполнилось шестнадцать лет со дня овладения властью государственными коммунистами. Что же получило трудовое население страны за эти годы? В какой мере коммунисты выполнили свои обещания? Это не безинтересно и довольно поучительно проследить. Мы не будем мудроствовать лукаво, не будем расточать красноречие на этот счет, мы возьмем сбе в свидетели самого отца современного русского режима и на основании его показаний постараемся нарисовать действительную картину состоянии страны под режимом марксистского коммунизма.

Говоря „О задачах пролетариата в данной революции" (стр. 17 и 18, том 14, часть I) Ленин писал следующее:

„Не парламентская республика — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад — а Республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху". Ленин и большевики, как видим, стремились организовать республику советов: вся власть советам! Это значит, говорил Ленин солдатам, что „вся власть в государстве, снизу доверху, от самой захолустной деревушки до каждого квартала в Питере должна принадлежать Советам Рабочих, Солдатских, Батрацких, Крестьянских и т. д. Депутатов". („Речь к солдатам", том 14, часть I, стр. 75). Чтоже представляет собою республика советов? По мнению Ленина и большевиков — это Парижская Коммуна во всероссийском масштабе, это, говорит Ленин в „Задачах пролетариата в нашей революции", — „высший тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, „не является государством в собственном смысле слова". Это государство типа Парижской Коммуны, заменяющее ОСОБУЮ от народа армию и полицию вооружением самого народа. Именно такого типа государство начала создавать русская революция в 5 и 17 годах — Республика Советов Рабочих и т. д." (Том 14, часть I, стр. 48-49).

Характерным признаком нового государства типа Парижской Коммуны является всеобщее вооружение не пролетариата только, не трудящихся вообще, а вооружение всего народа в целом; армия — это весь народ: она не отделяется от него, не ставится вне его и над ним; тоже самое и с полицией: сам народ в целом несет обязанности по охране порядка и спокойствия.

Вторым характерным и основным признаком этого нового государства является полное уничтожение бюрократии, „чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо, по меньшей мере, ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и СМЕНЯЕМЫХ по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной оплатой „местечек" превращаются в рабочих особого „рода ору-

жия", оплачиваемых НЕ ВЫШЕ обычной платы хорошего рабочего". (Ленин, том 14, часть I, стр. 24-25).

Ленин постоянно и неустанно твердил об этом. Везде и повсюду, на все лады он кричал: „не дать восстановить всевластия чиновников", „не дать восстановить отдельной от народа постоянной армии, вернейшего залога всяких попыток отнять свободу". („С'езд Крестьянских Депутатов", том 14, часть I, стр. 90). Почему нельзя допускать организации постоянной армии, полиции и чиновничества? Потому что, отвечает Ленин, „Сверху „назначаемое" — для „руководства" местным населением — чиновничество всегда было и всегда будет вернейшим залогом восстановления монархии, такими же, как постоянная армия и полиция". („К чему ведут контр-революционные шаги Временного Правительства", том 14, часть I, стр. 129. См. также „Один принципиальный вопрос", стр. 226).

Что такое государственная власть? Каковы ее основные элементы и что вообще разумеется под государственным аппаратом? С точки зрения Ленина Дооктябрьского, (мы в данном случае не входим в дискуссию этой точки зрения), „под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество". (Удержат ли большевики государственную власть?", том 14, часть 2, стр. 227). Таким образом Ленин Дооктябрьский представлял себе и внушал это представление широким рабочим, крестьянским и солдатским массам, что Республика Советов есть ничто иное, как анархическая федерация многих тысячь Коммун-Советов, разброссанных по необ'ятным пространствам России. Это полная демократия, демократия, логически дошедшая до своего предела — до анархии. Ленин анархист? Так кричали о нем буржуа и социалисты: „Ленин занял пустующий трон Бакунина". Правда это? И правда и нет . Ленин Дооктябрьский поступал по примеру основателя христианства, который народу говорил притчами и лишь ученикам раз'яснял их сокровенный смысл. Все дооктябрьские агитационные статьи Ленина это призывы, в которых преобладают анархические ноты, но все его статьи, носящие более или менее теоретический характер и предназначенные для более узкого круга, пропитаны запахом марксистской плесени. Ленин поступал до Октября по примеру Маркса. События 1870-71 годов, заставили Маркса, по тактическим соображениям, приблизиться к анархизму и написать „Гражданскую войну во Франции", которая стоит особняком среди его произведений и почти совершенно не связана с его общим представлением о социализме. Точно также события 1917 года заставили Ленина отступить от догмы во имя этой же догмы. Послеоктябрьский Ленин, вскрывает лицемерие, неискренность Дооктябрьского Ленина. Желание из маленькой ничтожной фракции социал-демократии вырости в большую партию, страстное желание власти подсказали ему путь овладения массами, способ стать идолом партии и трудового населения. И вот этот страшный централист, который, когда писал в „Искре", проповедывал, что „не дело пролетариата заниматься федерализмом", решил во имя централизма стать таким же страшным федералистом. Что это именно так об этом постарался поведать, по своей природной глупости, нынешний диктатор России Сталин, который в начале 1918 г., будучи комиссаром по национальным делам, публично заявил, что они идут „через федерализм к централизму".

Вот почему Ленин стоял „за такую республику, в которой бы снизу доверху не было бы ни полиции, ни постоянной армии (вместо нее, по нашему убеждению, должно быть всеобщее вооружение народа), ни чиновничества, пользующегося на деле несменяемостью и привилегированной буржуазной платой за труд. Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников и за пролетарскую плату им". („Наши взгляды", том 1, часть 1, стр. 92). По этой же самой причине Ленин заполнял Республику Советов всеми демократическими свободами до отказа. А эти свободы как раз и есть вековое стремление всех угнетенных классов. Ленин говорил им, то, что они знали по опыту, чувствовали, но не могли выразить и формулировать. Все это давно было выражено и формулировано анархистами, Ленин брал все это, против чего раньше боролся, только на прокат и пускал в оборот.

— „Введение „назначаемого чиновничества" терпеть нельзя. Признавать следует „только органы, созданные самим народом" в данной местности", Рабочие и крестьяне отвечали ему: „верно! святая истина!"

— „Идея о необходимости „руководства" через „назначаемых" сверху чиновников является в корне фальшивой, недемократичной, цезаристской или БЛАНКИСТСКОЙ АВАНТЮРОЙ". (Том 14, ч. 1, стр. 129). И массы с восторгом кричали — „Святая истина, Ильич! Да здравствуют большевики! Да здравствует Республика Советов!

— „В свободной стране, говорит Ленин, управляют народом только те, кто им самим избран для этого... Поэтому управление народом в свободных странах про-

исходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собою". („Уроки революции", том 14, часть 2, стр. 33). И массы кричали ему „браво" и расходились по своим домам с криком — да здравствует свободная Россия.

— „Восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого НИКТО не свергнет". („Большевики должны взять власть", том 14, часть 2, стр. 134). И массы кричали — Долой социал-предателя, лакея буржуазии Керенского! Да здравствуют большевики! Да здравствует Республика Советов!

— „Свобода печати, говорит Ленин рабочим и крестьянам, означает: „все мнения всех граждан свободно можно оглашать. Государственная власть, в виде Советов, берет ВСЕ типографии и ВСЮ бумагу и распределяет ее СПРАВЕДЛИВО: на первом месте — государство... На втором месте — крупные партии... На третьем месте — более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей... Вот это была бы настоящая свобода ДЛЯ ВСЕХ, а не для богачей". („Как обеспечить успех выборов в Учредительное Собрание". (О свободе печати), том 14, ч. 2, стр. 112-113). Да здравствует свобода печати! отвечала ему народная масса. Вся власть советам на местах!

— „Во всякой констуционной стране устройство демонстраций—неоспоримейшее право граждан... Всякая партия в свободной стране имеет право устраивать демонстрации". („Запутавшиеся и запуганные", том 14, часть 1, стр. 254). „Бояться манифестаций, заранее об'являемых правительство, знающее, что ВЕСЬ его состав опирается на волю большинства народа, не может. Запрещать их оно не будет". („Намеки", стр. 255). „Всякие манифестации, раз они мирные, суть ТОЛЬКО агитация, и запретить агиацию или навязать единство агитации нельзя. Конституция свободных республик НЕ МОЖЕТ запрещать мирных манифестаций и каких угодно массовых выступлений любой партии, любой группе" („Противоречивые позиции", том 14, часть 1, стр. 259). Да здравствует Ленин! отвечали на это массы. В бой за свободу!

— „Основное правило, первая заповедь всякого профессионального движения: не полагайся на „государство", полагайся только на силу своего класса", говорил Ленин рабочим. „Никакое „государство" не поможет наемному рабочему в деревне, батраку, поденщику, беднейшему крестьянину, полупролетарию, ЕСЛИ ОН САМ СЕБЕ НЕ ПОМОЖЕТ". („О необходимости основать союз сельских рабочих в России", том 14, часть 1, стр. 290-291). Верно, верно! кричали ему в овет рабочие.

— „Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными советами Батрацких и Крестьянских Депутатов". („О задачах пролетариата в данной революции", том 14, часть 1, стр. 17-18). „Об'ективная невозможность социализма связана с МЕЛКИМ хозяйством, которого не только экспроприировать, но даже и регулировать, даже и контролировать мы вовсе не претендуем". („Разруха и пролетарская борьба с ней", том 14, часть 1, стр. 243). И крестьяне гудели в ответ: Вот это дело! Правильно сказано!

— „Не бойтесь инициативы и самодеятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс — и вы увидите во всех областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем об'единении и порыве против корниловщины".

Ленин не боялся этой инициативы и самодеятельности, потому что она вела его к власти. И он, поддержанный всеми трудящимися России, наконец, пришел к власти. Народ пользуясь инициативой и самодеятельностью начал осуществлять то, что Ленин твердил им каждый день простым и популярным языком. Пока массы были заняты борьбой и самотворчеством, до которого они дорвались, как голодные до хлеба, Ленин заставил партию и убедил народ организовать не просто армию, а „рабоче-крестьянскую красную армию", для защиты завоеваний революции и отражения нападения империалистов. Вышла оторванная от народа и ставшая против него огромная, строго дисциплинированная армия. Под предлогом охраны порядка и борьбы с уголовными преступлениями создали самую обыкновенную полицию; под предлогом борьбы со спекуляцией и контр-революцией создали страшную сыскную политическую полицию; обещая уничтожить бюрократию, чиновничество, создали такой бюрократический аппарат, которого и свет не видел; создали из бюрократии новый господствующий класс. Обещали уничтожить смертную казнь и ввели расстрелы массами, сделали расстрелы бытовым явлением.

Звали народ к свободе и завели его в стойло государственного рабства, где жизнь человеческая расценивается ниже гроша.

Боролись и звали массы к борьбе со сдельной платой и другими потовыжима-

тельными системами эксплоатации труда, а когда стали у власти, то сочли нужным для блага трудящихся и во имя социализма „практически применить и испытать сдельную плату, применения многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора". („Очередные задачи советской власти", том 15, стр. 209). Теперь, после 16 лет их господства, Россия являет собою страну страшной эксплоатации и нищенского вознаграждения за труд.

До захвата власти Ленин и большевики говорили, что каждая кухарка должна принимать участие в государственном управлении, а после захвата власти Ленин заявил этим кухаркам: „чтобы управлять — нужно знать". Не лезь со свинным рылом в калачный ряд. Всякий сверчок должен знать свой шесток — кухарка должна кухарить, а не править.

Говорили о доверии к инициативе и творчеству рабочих масс, но после захвата власти они стали опасны и их заклеймили „мелко-буржуазной распущенностью": стали призывать не к самодеятельности и инициативе, а к „повышению дисциплины принуждением, диктатурой". (Том 15, страница 213). Ленин Начал говорить о необходимости перехода „к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей советской власти во время работы"; (Том 15, стр. 220), о том, что „начался период „беспощадного" подтягивания, длительной упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелко-буржуазной распущенности и анархичности". Теперь лозунгом Ленина, который проводится, с энергией достойной лучшего приложения, и по настоящее время — это „беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность". (Том 15, стр. 224). И страну так подтянули и так затянули, что это теперь не страна, а огромные исправительные арестанские роты, которые копируют Муссолини и Гитлер и на которые с затаенной завистью смотрит вся международная реакция.

Выше мы видели какую картину советской демократии рисовал Ленин рабочим и крестьянам России, уставшим от деспотизма; когда же большевики очутились у власти, Ленин заговорил другое: „говорят с советским демократизмом личная диктатура абсолютно не совместима. Рассуждение из рук вон плохое". (Том 15, стр. 217). „Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим". (Том 17, стр. 89). „Воля сотен и десятков тысяч людей может выразиться в одном лице". (Том 17, стр. 104). И вот 16 лет воля миллионов выражается в одном лице и страна, по выражению Шевченко, молчит, потому что благоденствует. Социалистический демократизм давно уже в России ушел в область предания, как явление реакционное, а абсолютизм—герой сегоднешнего дня и расценивается, как явление революционное и прогрессивное.

Ленин говорил о недопустимости назначения чиновников сверху, а сам с раздражением деспота кричал на профессиональные союзы, которые пытались было не принять в качестве чиновника Центрального Комитета большевистской партии Радека: „КАК? Центральный Комитет, кричал он, не имеет права прибавить к профессиональному союзу людей, которые лучше всего теоретически знакомы с немецким опытом и могут иметь воздействие на неправильную линию? Центральный Комитет, который бы этой задачи не выполнил, не мог бы управлять!" (Том 17, стр. 84). Послеоктябрьский Ленин, как видим, требует назначения своих чиновников не только в местные органы управления страной, но даже в профессиональные, кооперативные и пр. рабочие организации. Теперь страна забыла что такое выборный и сменяемый чиновник!

Выше мы видели в каких красках Ленин рисовал свободу до октября, после октября он заговорил иное: „мы должны во что бы то ни стало стереть с лица земли следы политики меньшевиков и эсэров, которая говорит о свободе личности и т. д." (Том 17, стр. 49). Они стерли эти следы. Теперь Россия — страна безличностей, стертая монета, но зато богата живой рабсилой, которую можно перебрасывать куда угодно и когда угодно. Личность стала рабом. Раб — лучший гражданин коммунистической республики: воспитание рабов главная задача Коммунистической партии. Свобода в России понятие контр-революционное и реакционное. Рабство и деспотизм — путь к социализму, путь к свободной личности, т.е. население заставляют называть черное белым и наоборот. Недаром Муссолини сказал: „фашизм перешагнул и впредь спокойно перешагнет через разлагающийся труп богини свободы... Россия и Италия доказали, что можно править вне, над и против либеральной идеологии. Коммунизм и фашизм стоят за пределами либерализма". И Ленин вторит Муссолини: „о независимости отдельных партий в то время, когда мировой топор занесен над капитализмом, не может быть никакой речи" (Том 15, стр. 587). А так как этот топор все еще продолжает висеть над ка-

питализмом, то в России о независимости отдельных партий не говорят и сегодня и не будут говорить пока большевистский топор будет висеть над рабочими и крестьянами.

„Мы знаем, что много ошибок сделали мы, особенно в первые месяцы после Октябрьской революции, теперь мы будем стремиться к тому, чтобы все было подчинено советской власти и все иллюзии о какой-то „независимости" как отдельных слоев, так и рабочей кооперации были изжиты возможно скорее". (Том 15, стр. 586). Все это в России давным давно изжито. Все подчинено советской власти, никаких иллюзий — одни слезы.

Ученики следуют заветам своего учителя: они стерли все следы свободной личности, подтянули страну, как Фридрих Великий своих гренадеров. Государство в их руках достигло почти абсолютного совершенства, выражением которого является солдатская казарма. Начальство приказывает — подчиненные исполняют. Начальство приказывает строить, сеять, чтобы накормить, хоть хлебом только, изголодавшееся население, и они строят, сеют и голодают. Идиотский план насильственной коллективизации привел к опустошению плодородных частей страны и к голодному вымиранию целых областей. Эффектнейшие проэкты в центре и страшная разруха на местах. Гнать надо этих правителей, гнать нужно как можно скорее! Рабочие, вооружившись Лениным, должны пойти против Ленина и его партии. Рабочие должны бросить в лицо новых деспотов слова самого же Ленина:

„Рабочие должны отметать прочь фразерство, обещания, декламации, прожектерство чиновников в центре, готовых засесть за сочинение эффектнейших планов, положений, уставов, нормировок. Долой все это лганье! Долой всю эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно! Рабочие должны требовать немедленного осуществления контроля НА ДЕЛЕ и при том обязательно ЧЕРЕЗ САМИХ РАБОЧИХ.

Это главное для успеха дела, дела спасения от катастрофы. Раз этого нет, все остальное обман". (Том 14, часть 1, стр. 196, статья: „Неминуемая катастрофа и безмерные обещания").

И мы должны поддержать Ленина против Ленина и его же словами сказать: — „раз этого нет, все остальное обман"!

Рабочие должны с обманщиками поступить, как полагается; должны все забрать в свои руки и сами должны начать строить новое свободное общество, общество без правителей и управляемых, без эксплоататоров и эксплоатируемых, т. е. строить здание АНАРХИЗМА и КОММУНИЗМА.

Г. Максимов.

АНАРХИЗМ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНАРХИЗМА

(Продолжение)

Только что обрисованные концепция общества и тенденция, являющаяся его динамическим выражением, всегда существовали в человечестве в противоположность господствующей иерархической концепции и тенденции — в разные периоды истории брали верх то одна, то другая из них. Первой тенденции мы обязаны развитием самими массами таких институтов, —клан, деревенская община, гильдия, свободный средневековый город — при помощи которых массы сопротивлялись узурпации завоевателей и домогавшимся власти меньшинствам. Таже самая тенденция с большой силой утвердилась в великих религиозных движениях средневековья, особенно в ранних реформаторских движениях и в их предвестниках. Хотя эта тенденция, благодаря своему не ученому, а народному происхождению, явно встречала менее симпатий среди ученых, чем тенденция ей противоположная, тем не менее она в тоже самое время, начиная со времен Лао-Тзе, определенно находит свое выражение в писаниях некоторых мыслителей.

Проф. Адлер указал в своей "Geschichte des Socialismus und Kommunismus," что уже Аристип (род. около 430 л. до Р. Х.), один из основателей школы Киринаиков, учил, что мудрые не должны отдавать свою свободу государству и в ответ на вопрос Сократа сказал, что он не желает принадлежать ни к управляющему, ни к управляемому классу. Однако такое отношение было, кажется, продиктовано чисто эпикурейским отношением к жизни масс.

Наилучшим представителем анархической философии в древней Греции был Зенон (342 — 267 или 270 до Р. Х.) с Крита, основатель стоической философии; он определенно противопоставлял свою концепцию свободной общины без правительства государству — Утопии Платона. Он отвергал всемогущество государства, его вмешательство и регламентацию и

провозглашал независимость нравственного закона индивидуума — уже тогда подметив, что покуда присущий человеку инстинкт самосохранения ведет к эгоизму, природа имеет к нему корректив, наделив человека другим инстинктом—инстинктом общественности. Когда люди станут достаточно благоразумными и станут следовать своим природным инстинктам, тогда они об'единятся через границы и создадут космос. Они не будут нуждаться в судах и полиции, не будут иметь храмов и общественной религии и не будут пользоваться деньгами — добровольные дары займут место обмена. К несчастью писания Зенона не дошли до нас и известны нам только по отрывочным цитатам. Однако тот факт, что сам стиль изложения сходен с современным стилем, показывает как глубоко заложена в человеческой природе та тенденция, глашатаем которой он был.

В средние века мы находим такой же взгляд на государство у знаменитого епископа Альбы, у Марко Джироламо Вида, в его первом диалоге "**De dignitate Republicae**" (**Ferd. Covalli в Men dell' Instituto Vento, XIII; Dr. E. Nys, Researches in the History of Economics**).

Но теже самые идеи можно найти сильно выраженными главным образом в различных ранних христианских движениях, начиная с девятого столетия в Армении и в проповедях ранних гусситов, в частности у Чожеки, и у ранних анабаптистов, особенно у Ганса Денка (**cf. Keller, Ein Apostel Wiedertaufer**) — конечно, в них специально подчеркивается моральный аспект.

Раблэ и Фенелон в своих утопиях также высказали подобные идеи и, как можно заключить из отдельных выражений, случайно встречаемых в писаниях Руссо, в **предисловии** Дидро к **„Путешествию"** Бугенвиля и т. д., эти идеи были ходячими среди французских энциклопедистов 18-го столетия. Однако, благодаря строгой цензуре римско-католической церкви, такие идеи, по всем вероятностям, не могли быть тогда развиты.

Эти идеи нашли свое выражение позднее, во время Великой Французской Революции. В то время как якобинцы делали все, что было в их силах, чтобы все централизовать в руках правительства, народные массы, как теперь выясняется из недавно опубликованных документов, выполняли замечательную конструктивную работу в своих муниципалитетах и „секциях". Они присвоили себе право избирать судей, право на организацию снабжения и обмундирования армии, а также и больших городов, работы для безработных, управление благотворительностью и т. д. Они даже пытались, помимо Национального Собрания, при помощи особого Совета установить прямое сношение с 36,000 коммун Франции. (**cf. Sigismund Lacroix, Actes de la Commune de Paris**).

Годвин был первый, который в своей "**Enquiry Concerning Political Justice**" (**2 Vols, 1793**), формулировал политическую и экономическую концепцию анархизма, хотя он и не дал этого имени идеям, развитым в его замечательном труде. Законы, писал он, не продукт мудрости наших предков: они продукт их страстей, их трусости, их зависти и честолюбия. Лекарство, предлагаемое ими, хуже, чем зло, которое они претендуют излечить. Еслибы, и только еслибы, были уничтожены все законы и суды и решения в возникающих тяжбах возлагались бы на разумных людей, избираемых для этой цели, подлинная справедливость распространилась бы постепенно. Что касается государства, то Годвин откровенно требовал его уничтожения. Общество, писал он, превосходно может существовать без всякого правительства, только бы общины были небольшими и совершенно автономными. Говоря о собственности, он утверждал, что права каждого „на все средства жизни, могущие доставить пользу человеческому существу", должны регулироваться одной справедливостью: средства жизни должен получать „тот, кто в них наиболее нуждается". Его выводом был коммунизм. Однако Годвин не имел мужества держаться своих убеждений. Позднее он совершенно переделал главу о собственности и смягчил свои коммунистические воззрения во втором издании **Political Justice (8 vo., 1796)**.

Прудон первый употребил в 1840 („Что такое собственность?" Первый мемуар) имя анархия в приложении к неправительственному состоянию общества. Имя „анархисты" часто давалось жирондистами во время французской революции тем революционерам, которые считали, что с ниспровержением Людовика XVI революция не была закончена, и настаивали на принятии ряда экономических мер (уничтожение феодальных прав без вознаграждения, возврат деревенским общинам общинных земель, начиная с 1669 г., ограничение земельной собственности 120 акрами, прогрессивный подоходный налог, национальная организация обмена на основе себестоимости, которая получила практическую реализацию и т. д.).

Теперь же Прудон защищал общество без правительства и пользовался для его определения словом анархия. Как известно, Прудон отвергал как все схемы коммунизма, согласно которым человечество было бы загнано в монастыри или в казармы, так и все схемы государства или государственного социализма, защищав-

шихся Луи Бланом и коллективистами. Когда он в своем первом мемуаре о собственности провозгласил, что „собственность — кража", он имел в виду собственность в ее настоящем, римское право, чувство „права употребления и злоупотребления". С другой стороны, в правах собственности, понимаемой в ограниченном смысле владения, он видел наилучшую защиту от захватнических поползновений государства. В тоже время он не хотел насильственной экспроприации современных собственников земли, жилых домов, фабрик и т. д. Он предполагал добиться того же самого результата, поставив капитал в такие условия, при которых он не мог бы давать дохода.

Он надеялся достичь этого посредством национального банка, основанного на взаимном доверии всех тех, кто вовлечен в производство и согласился бы производить между собой обмен своими продукта ми по себестоимости при помощи рабочих чеков, представляющих часы труда, необходимые на производство каждого данного товара. При такой системе, которую Прудон называет „Мютюализмом", весь обмен услугами был бы строго эквивалентен. Кроме того, такой банк мог бы одалживать деньги без процентов, взимая только около 1%, или даже меньше, на покрытие стоимости администрации. Тогда каждый мог бы занимать деньги, которые потребовались бы на покупку дома, и никто не согласился бы платить за его пользование больше годовой ренты. Всеобщая „социальная ликвидация" тогда была бы легко проведена без экспроприации. Тоже самое применяется к шахтам, железным дорогам, фабрикам и т. д.

В обществе такого типа государство было бы безполезно. Главные отношения граждан основывались бы на свободном договоре и регулировались бы простым счетоводством. Споры могли бы улаживаться третейским судом. Проникновенная критика государства и всех возможных форм правительства и глубокое знание всех экономических проблем были всем известной характеристикой трудов Прудона.

Следует отметить, что французский мютюализм имел в Англии своего предтечу в лице Вильяма Томсона, который, прежде чем стать коммунистом, начал с мютюализма, и в его последователях — Джоне Грее (**A lecture on Human Happiness**, 1825; **The Social System**, 1831) и Дж. Ф. Брэе (**Labour's Wrongs and Labour's Remedy**, 1839). Он также имел своего предтечу в Америке в лице Иосии Уоррена, родившегося в 1798 г. (cf. **W. Bailie, Josiah Worren, The First American Anarchist, Boston, 1900**) и принадлежавшего к „Новой Гармонии" Оуэна; он считал, что неудача этого предприятия произошла главным образом благодаря подавлению индивидуальности, недостатку инициативы и ответственности. Эти недостатки, учил он, свойственны всякой схеме, базирующейся на власти и общности имущества. Он защищал, поэтому, полную индивидуальную свободу. В 1827 г. он открыл в Цинцинати небольшую деревенскую лавочку, „Лавку Равенства", которую народ назвал „лавкой времени", потому что она была основана на труде и производила обмен продуктов всех сортов на основе час за час. „Стоимость — предел цены" и, соответственно этому,—„без барыша" было двизом его лавки, а в последствии и его „Деревни Равенства", около Нью Иорка, просуществовашей до 1865 г. Достоин упоминания также „Дом Равенства" г-на Кейта в Бостоне, основанный в 1855 г.

В то время как экономические идеи Прудона, особенно идея банков взаимности, нашли последователей и даже практическое приложение в Соединенных Штатах, его политическая концепция анархии нашла слабый отклик во Франции, где преобладали христианский социализм Ламенэ и фурьеристы, государственный социализм Луи Блана и последователи Сен-Симона. Однако эти идеи нашли временную поддержку среди левого крыла гегельянцев в Германии: Моисей Гесс в 1843 г. и Карл Грюн в 1845 г. защищали анархизм.

Кроме того авторитарный коммунизм Вильгельма Вейтлинга встретил оппозицию среди швейцарских рабочих, выразителем которой в 40-х годах был Вильгельм Марр.

С другой стороны, также в Германии, индивидуалистический анархизм нашел свое полное выражние в Максе Штирнере (Каспар Шмидт), замечательный труд которого („Единственный и его достояние" и статьи, печатавшиеся в „Рейнской Газете") оставался почти не замеченным до тех пор, пока Джон Генри Маккей не дал ему известности.

Проф. В. Баш в очень талантливом введении к своей интересной книге — „Индивидуалист анархист: Макс Штирнер" (1904) показал как развитие немецкой философии от Канта к Гегелю, и „абсолют" Шелинга и дух Гегеля, неизбежно вызвали, когда начался анти-гегельянский бунт, проповедь тогоже самого „абсолюта" в лагере бунтовщиков. Это было сделано Штирнером, защищавшим не только полный бунт против государства и рабства, которые авторитарный коммунизм навязывал людям, но также и полное освобождение индивидуума от всех социальных и моральных уз — восстановление „Я", суприматию индивидуума, полный „а-мо-

рализм“ и „ассоциацию эгоистов“. Конечный вывод этого вида индивидуалистического анархизма указан проф. Башем: индивидуалистический анархизм утверждает, что цель всех высших цивилизаций заключается не в том, чтобы дать возможность **всем** членам общины развиваться нормальным путем, а в том, чтобы дать возможность, даже ценою счастья и самим существованием масс человечества, „полного развития“ некоторым лучше одаренным индивидуумам. Это, таким образом, возврат к самому грубому индивидуализму, защищаемому, так называемыми, высшими меньшинствами, которым, в действительности, человек именно обязан в свой истории государством и остальным, против чего эти индивидуалисты сражаются. Их индивидуализм заходит так далеко, что кончается отрицанием их собственного исходного пункта, — не говоря уже о невозможности для индивида получить действительно полное развитие в условиях угнетения масс „прекрасными аристократами“. Развитие индивидуума при этих условиях оставалось бы односторонним. Вот почему это направление мысли, несмотря на его несомненную верность и полезную защиту полного развития каждой индивидуальности, находит аудиторию только в ограниченных артистических и литературных кругах.

(Окончание следует).

П. Кропоткин.

От редакции. Эта ученая статья Кропоткина была написана им в 1905 г. для 11-го издания „Британской Энциклопедии“. На русском языке она появляется впервые. Статья эта заслуживает широкого распространения, поэтому мы решили сохранить ее набор и издать отдельной дешевой, 5-ти сентовой брошюрой—это будет третья брошюра *Библиотеки „Дела Труда“*. Брошюра выйдет гораздо раньше окончания ее печатания в журнале, если товарищи заранее пришлют деньги за нужное им количество брошюр. Товарищи, усилим издание дешевой агитационной и пропагандистской анархической литературы! Поддержим и укрепим *Библиотеку „Дела Труда“*.

ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПРОЦЕСС

Никогда еще судебный процесс не привлекал к себе такого сильного внимания всего мира как процесс, происходящий в настоящее время в имперском суде в Лейпциге.

Перед судом пять человек. Их обвиняют в поджоге здания германского рейхстага и в заговоре, целью которого было уничтожение германской конституции и насильственное ниспровержение существующего строя. Среди обвиняемых только один немец — Торглер, лидер комфракции бывшего рейхстага, а остальные болгары: Димитров, Попов, Танов и подозрительный голландец Ван-дер-Люббе.

С самого начала процесса судьи поставлены в большое затруднение и, каким бы приговор не был, эти затруднения будут расти, как лава, они будут расти даже после процесса, ибо своеобразие этой судебной комедии заключается в том, что никто в Германии не верит в виновность подсудимых и меньше всего верят в это сами судьи, которые должны дать яко-бы „нелицеприятный“ суд. Вследствии этих обстоятельств, лейпцигский процесс ставит представителей немецкой юстиции перед задачами, которые они не в состоянии решить ни политически, ни юридически. В самом деле, если они освободят Торглера и трех болгар, то они прегрешат против государственных основ коричневых рубашек, правящих сейчас Германией; если же они, против собственной совести, признают подсудимых виновными, то они возьмут на себя перед всем миром преступление сознательного юридического убийства, которое не смоет никакая ложь, как бы искусстно она не была сплетена.

Юридические убийства происходят, конечно, и в других странах, но во всех известных нам случаях для судей имелась возможность оправдываться, по меньшей мере, тем, что, мол, они действовали честно, верили в виновность подсудимых и что они оказались просто жертвами несчастной ошибки. Судьи же Лейпцига не могут иметь никакого оправдания, ибо каждый из них несомненно имел возможность ознакомиться с „меморандумом“ Оберфорна, лидера немецкой националистической фракции, в котором он доказывал, что рейхстаг был подожжен „назистами“ (национал-социалистами, гитлеровцами), а не коммунистами. Согласно доклада Оберфорна четыре немецких националиста, члены гитлеровского кабинета, на заседании правительства открыто выступили с этим страшным обвинением против гитлеровских коричневых коллег; эти обвинения немецких националистов против Геринга и его сопреступников заглохли только тогда, когда Обернфорн пал жертвой того же самого террора, который привел Торглера и его товарищей на скамью подсудимых: он был вынужден покончить „самоубийством“. Страх парализовал язык Гюгенберга и с ним связанных; они молчали, потому что кровавая тень их друга Обернфорна стояла перед их глазами; они молчали несмотря на то, что знали о решении банды ненормальных

преступников принести в жертву Торглера и его сопроцесников и тем показать миру, что поджог рейхстага был произведен коммунистами, за что, мол, они и наказаны. К счастью, несколько копий „меморандума“ Обернфорна попали заграницу и там были опубликованы.

Судьи Лейпцига знают это страшное обвинение Обернфорна, они знают, что часть членов гитлеровского правительства в закрытом заседании обвиняла Геринга и Геббельса в организации пожара рейхстага, вследствии этого обвиняемые лейпцигского процесса должны быть признаны невинными. Если судьи, подчиняясь нажиму правительства, осудят четырех невинных людей, то их вина, которую они возложат на свои плечи, будет еще ужаснее.

Чтобы понять значение лейпцигского процесса во всем его об'еме нужно задать себе вопрос: кто мог быть заинтересован в поджоге рейхстага? Когда Гинденбург решил сделать Гитлера рейх-канцлером, то перспективы нази были очень плохие: Гитлер — канцлер, но Гинденбург поставил фон-Папена вице-канцлером, а Гугенберга министром промышленности, без согласия которых он, Гитлер, ничего не мог делать. Как известно, Гитлер отказывался от какого бы то ни было компромисса, поэтому вступление его в правительство было большим сюрпризом для многих, но этот сюрприз об'ясняется тем, что Гугенберг и его газеты распустили слух, что прежний рейх-канцлер, фон-Шлейхер, намеривается совершить государственный переворот и установить военную диктатуру, военная же диктатура положила бы конец всем гитлеровским аппетитам к диктатуре и логически привела бы к восстановлению монархии в Германии, поэтому, чтобы сбросить фон-Шлейхера, Гитлер был вынужден связаться с Гугенбергом и, волей-неволей, должен был принять в свой кабинет членов партии немецких националистов. Гугенберг и связанные с ним „юнкера“ и крупные промышленники всеми силами поддерживали гитлеровское движение, так как были твердо убеждены, что они смогут использовать это движение в целях восстановления старой кайзеровской Германии. Проигранная война, ноябрьская революция 1918 г. вырвали из их рук бразды правления и массовое национал-социалистическое движение должно было помочь им захватить обратно потерянные позиции.

Однако экстремисты назистского движения — Геринг, Геббельс, Штрайхер, Фрик и т. д. — не имели никакого желания работать на других: они сами хотели завладеть властью и, поэтому, видя намерения Гугенберга, работали против его планов; когда же Гугенберг представил им будто бы грозящую опасность военной диктатуры, то Гитлер быстро решил пойти на компромисс. Гитлер, наконец, стал рейх-канцлером, этот компромисс, однако поставил его и его партию в опасное положение: в глазах многомиллионных избирателей он, наконец, **завладел** властью, к коорой так долго стремился, он и его генералы обещали массам „манну с неба“, когда их партия получит власть; ну, вот, в конце концов, „власть“ в его руках и от него ожидали исполнения обещаний, а он, в действительности, был пленником Гугенберга и немецких националистов, без согласия которых он ничего не мог делать. Гитлер неосмотрительно попался в раставленные Гугенбергом сети и его полная беспомощность больше не могла быть секретом и скоро должна была обнаружиться перед широкими массами и его приверженцами. При таком положении приближавшиеся выборы ничего не могли изменить, ибо нази не могли ожидать, что они получат абсолютное большинство в рейхстаге. Чтобы выйти из этого опасного положения нужно было такое средство, которое своим ужасом потрясло бы всю нацию и привело бы ее к убеждению, что под угрозой находится безопасность всего народа, и Геринг, параноик — человек страдающий первичным душевным расстройством, который в Швеции сидел в сумасшедшем доме, как опасный умалишенный, как раз был тем человеком, который мог поставить страну лицом к лицу с ужасным фактом, который должен был подействивать на нее как катастрофа. Это был он, полиция которого „открыла“ в доме Карла Либкнехта знаменитые подземные комнаты, в которых будто-бы нашли документы о подготовлявшемся коммунистами восстании, во время которого они собирались поджечь все общественные здания и основать большевистское государство. Все эти разговоры были настолько сумасшедшими, что они могли исходить только от больных мозгов. Полиция очень часто и раньше посещала дом Либкнехта, но никогда не находила знаменитых „подземных комнат“, которые Геринг так случайно нашел. Кроме этого надо ясно представить себе положение: дом Либкнехта был центром компартии, там находилась типография и редакция „Роте фане“ („Красное Знамя“), там же был склад партийного книгоиздательства и всевозможные бюро. Можно ли представить себе, даже на одну секунду, что партия, которая имеет в виду восстание, будет прятать все компромитирующие документы в таком месте, которое знает весь мир и куда достаточно только войти полиции, чтобы

открыть все, что ей нужно?

В Германии очень немногие верили в эту басню. Но вот, при исключительно удивительных обстоятельствах пришел пожар здания рейхстага. Здание горело в нескольких местах и пламя уже поднималось к крыше, когда появились пожарные. Такой пожар в такое короткое время мог быть произведен многими хорошо-опытными лицами. В горящем здании полиция нашла молодого голландца Ван-дер-Люббе, который, хотя и был без пиджака, не забыл иметь при себе паспорт и членскую карточку голландской коммунистической партии. Террористы, запасающиеся всеми законными бумагами, чтобы полиция тут-же, на месте, могла установить с кем она имеет дело — явление, конечно, редкое и странное. Но еще страннее было, то, что огонь начался как раз в тайном проходе, который ведет из комнаты председателя рейхстага в залу заседаний, и **ключ от которой имел только председатель рейхстага,** а председателем рейхстага был всесильный министр внутренних дел, господин Геринг.

При страшном терроре, который начался сейчас же после пожара рейхстага и бушевал по всей стране, замолкли все голоса, которые доказывали невозможность сделанного „открытия". Страх сковал все уста и Гитлер стал сильным человеком, спасшим Германию от когтей грозящего большевизма; благодаря всему этому и Гугенберг потерял свою игру, которую он так искусстно разыгрывал — нази стали хозяевами положения.

Что касается якобы „коммуниста" Ван-дер-Люббе, то теперь все знают, что он находился в тесных связях с нази и что он, в частности, находился в гомосексуальных (мужеложнических) сношениях с некоторыми берлинскими лидерами назистов: на знаменитом „любовном списке" капитана Рома, лидера военной организации нази, находится имя и Ван-дер-Люббе. Нет ни малейшего сомнения, что этот „странный террорист" был или агентом, или орудием назистов.

Компартия от этого безумного акта могла потерять все и ничего не выиграть, нази же, неаборот, могли все выиграть и ничего не потерять. Никто теперь не сомневается, что Геринг и его товарищи были единственными виновниками пожара, но чем больше мир убежден в виновности Геринга, тем больше требуют „государственные основы" гитлеровского преступного правительства, чтобы Торглер и его друзья были уничтожены. „Государственные основы! — красивые слова, которые должны все оправдать; и эти, так называемые, „государственные основы" всегда бывают основой как раз тех, которые в данный момент находятся во главе государства.

Торглер и три болгарских коммуниста доказали свое „алиби" во всех деталях, доказали, что они не могли принимать участия в поджоге, но для Гитлера и его гвардии вопрос сводится к „быть или не быть", поэтому они кричат и требуют головы обвиняемых. Упадут ли они? Или единогласный протест всех честномыслящих людей всего мира может быть вырвет у палачей их жертвы? На это даст нам ответ ближайшее будущее.

Юридическая сторона обвинения против Торглера и его товарищей доставит судьям государственного суда в Лейпциге ни одну бессонную ночь. Обвинение основывается не только на поджоге, но и на государственной измене. Государственная измена состоит в том, что обвиняемые пытались силой ниспровергнуть конституцию и при помощи террора установить в Германии новую государственную форму. Но о какой конституции говорится в данном случае? О веймарской конституции, которая еще существевала на бумаге, когда сгорел рейхстаг. Не Торглер и его друзья, а Гитлер и его свита уничтожили веймарскую конституцию, они положили конец парламентскому правительству и с помощью террора установили в Германии новую государственную форму, т. е. Гитлер и его товарищи сделали то, что подсудимые лейпцигского процесса будто-бы только намеревались сделать. Если одного этого намерения достаточно, чтобы обвинить в государственной измене, то как должно звучать обвинение против тех, которые на деле осуществили то, что думают о Торглере и его друзьях? Зададут ли себе этот вопрос судьи Лейпцига? Мы боимся, что нет, ибо юстиция в гитлеровской Германии имеет резиновую совесть: где говорит успех, там у рабов молчит голос справедливости.

Какой бы исход не имела юридическая трагедия в Лейпциге, одно останется верным: можно обмануть момент, но не историю. Настоящие виновники сидят не на скамье подсудимых государственного суда в Лейпциге, а на правительственной скамье немецкого фашистского государства. Когда нибудь обвинение прозвучит в их ушах: Вы убийцы!

Рудольф Рокер.

ПОЧЕМУ Я ЗА ПРИЗНАНИЕ СССР.

Уважаемый тов., я не признаю ни советское правительство, ни большевизм. Еслибы я признавал их, то мне не зачем было бы бороться с ними в России, подвергаться арестам, сидеть в тюрьме, голодать и быть высланным, в конце концов, из России; мне не зачем было бы бороться с ними в течении 12 лет эмиграции. Еслибы я признавал их, я бы сидел в Москве и был бы одним из больших или малых комиссаров.

Я в своих лекциях очень ясно и определенно высказался, что **правительство России должно быть признано.** Повидимому признание вы понимаете в том смысле, что, если я стою за признание, значит, я одобряю совправительство, соглашаюсь с ним, приемлю его и не хочу его свергать. Если вы именно так понимаете признание, то вы очень заблуждаетесь. Когда эсеры, соц.-дем., анархисты и пр. говорят о признании или непризнании совправительства, то под этим подразумевается и понимается признание совправительства другими правительствами и восстановление „нормальных" отношений между Россией и всеми остальными странами. Речь, таким образом, идет не о моем личном признании, т. е. приятии совправительства, а о признании его другими правительствами и о восстановлении дипломатических сношений. Я и стою за такое признание, **оно не исключает самой жестокой борьбы против совправительства с моей стороны.** — „Рассвет", наоборот, стоит за то, чтобы его никто не признавал, никакое правительство, и он выпустил поэтому случаю, если помните, обращение к американскому народу и его правительству.

— Я говорю — непризнание совправительства это блокада, интервенция России, а не только ее правительства. Революционеры никогда не стояли за блокаду и за интервенцию и не будут стоять. Не буду за это стоять и я, **даже если за это меня прокричат большевиком.** Интересы социальной революции, интересы пролетариата и крестьянства должны стоять на первом плане. А их интересы диктуют необходимость признания.

Почему непризнание означает блокаду и интервенцию? Допустим, что все правительства послушались советов „Рассвета" и вняли крикам его политических младенцев, что, конечно, невозможно, но допустим, что это случилось и все правительства не признали русское правительство.

— „Мы, скажут они не можем вас признавать, потому что вы, как правительство, совсем не то, что мы. Мы вас признаем, если вы установите такие же порядки, какие установлены у нас".

Что это означает? Это означает вмешательство во внутренние дела России со стороны капиталистических государств, это интервенция, но интервенция пока еще невооруженная. Следовательно, тот, кто кричит о непризнании, призывает интервенцию и просит о вмешательстве во внутренние дела нашей страны капиталистов. **Я против этого самым решительным образом.**

Затем капиталистические государства, послушавшиеся „Рассвета", скажут:

— „Так как мы вас не признаем, то мы не желаем иметь с вами никакого общения и закрываем границы; ничего не будем покупать у вас и ничего не будем продавать вам; никто из вашей страны и никто из наших стран не может перешагнуть границ; между нами и вами не может быть никакого обмена, даже культурными ценностями, одним словом, вы изолированы".

Этого добивается „Рассвет" и его дурачки. А что это означает? Это означает блокаду, желание взять голодом, измором населения, болезнями, разрухой. Рассветовцы говорят: „чем хуже, тем лучше". Но это не верно, ибо чем хуже, тем еще более будет хуже. Помимо того, что это не верно, это бесчеловечно, антиморально, не анархично; — ни Бакунин, ни Кропоткин никогда не разделяли этого варварского лозунга, за которым всегда скрывается грубейший личный эгоизм. При непризнании, которое есть ничто иное как блокада, страна будет задыхаться в большевизме, как Московская Русь задыхалась в татарщине и православии. Вырастет огромный звериный, первобытный национал-шовинизм; **все беды, все невзгоды, голод, болезни будут об'ясняться не неспособностью правительства, ни его деспотизмом, а блокадой, интервенцией и варварское правительство будет поддерживаться широкими массами, как национальный герой, как борец за национальное достоинство, за независимое существование нации.** Вспомните блокаду Франции Англией во время Наполеона, вспомните нашу блокаду, войну с Польшей, наконец, посмотрите на Кубу. А потом имеется еще и другая сторона вопроса, а именно: из каких побуждений правительства других стран не будут признавать русское правительство? По соображениям человеколюбия или из-за любви к свободе? Во имя защиты справедливости и попранных прав человека и гражданина или по каким либо другим сообра-

жениям? Конечно, по другим соображениям. По соображениям чисто грабительского характера, по эгоистическим мотивам капиталистической клики. Они не хотят признать потому, что в России им не дают так хозяйничать, как они хозяйничают здесь, потому, что Россия не платит старых долгов, потому, что они, капиталисты, не уверены, что вложенный ими капитал вернется с процентами и что он вобоще может вернуться. Они хотят гарантий, без них они не хотят признавать. Возьмем, например, правительство лесных баронов Канады. Почему оно готово во всякое время порвать сношения с Россией? Почему оно было довольно, когда Англия порвала с Россией? Потому что изоляция России означает отсутствие конкуренции, лесная монополия для Канады. Тоже самое и с правительствами углепромышленников, нефтепромышленников и т. д.

Капиталистическим правительствам наплевать, что в России народ страдает, что там нет свободы, что там ужасный деспотизм и рабство, что там нищета, болезни и голод. Они признавали царское правительство, они признали Муссолини и Гитлера и они признают самого чорта, если им это будет выгодно. Нищая и голодная Россия для них золотое дно после свержения большевиков и воцарения „демократии“, потому что там будет дешевый труд, который даст им на вложенные капиталы возможность загребать золото лопатами. Почему же , мы, революционеры, должны своим криком о непризнании помогать международным хищникам?

Не лучше обстоит дело и с „полупризнанием“. Полупризнание — это грабеж трудовых классов России международным финансовым капиталом, международными разбойниками и кровопийцами.

Совправительство — факт, оно существует и действует, хозяйничает, плохо или хорошо это другой вопрос. Ему нужны деньги, машины, сырье, медикаменты и пр. Все это оно получает, но, благодаря полупризнанию, получает по страшно высоким ценам, по спекулятивным процентам от капиталистов тех стран, которые его не признали, через капиталистов стран признавших его, например, американские капиталисты действуют через немецких. Русское правительство, благодаря полупризнанию, чтобы получить золото, должно вывозить лес, зерно, пушнину, нефть и пр. заграницу и продавать по баснословно низким, убыточным ценам. Этого не было бы, если бы между Россией и остальными странами были нормальные сношения. Кто от этого страдает? Правительство только? Вздор, конечно, нет! Страдают главным образом трудовые классы, ибо они главные налогоплательщики. Правительство выколотит из них все, как оно это делает и теперь, не останавливаясь перед миллионами трупов. Признание облегчает положение.

Кроме того, признание открывает массу щелей в китайской стене большевизма, ибо при открытых границах возможность тесного контакта с другими странами несет в Россию сомнение в большевизме и бунт против него, уничтожает сказку о военном нападении капиталистических стран, разбивает иллюзии большевизма у иностранных рабочих. Вспомните декабристов. Если бы русские войска не соприкоснулись с жизнью Запада, не было бы и декабристов. Если бы мы, русские, были бы изолированы от Европы, как это было во времена Московии, мы остались бы белыми китайцами. Если бы европейские страны не признали совправительства, мы сейчас имели бы огромные коммунистические движения во всех странах, что и было в течении первых 5-8 лет. Признание дало возможность теснее соприкоснуться с российской действительностью пролетариям Запада и большевистская зараза, несмотря на весь обман Москвы, приходит к концу. **Путь ниспровержения большевиков лежит через признание их правительства правительствами других стран, через нормальное сношение остальных стран с Россией.**

Поэтому тот, кто кричит о непризнании, является вольным или невольным сообщником международной буржуазии, помощником в черном деле русской генеральской реакции, которая во всякое время готова идти на Россию с оружием в руках вместе с Польшей, панской Польшей, с монархической Японией и пр., потому что Россия для них — это их потерянные поместья, капиталы и привилегии, это главнейшее содержание их патриотизма.

Поэтому я, например, очень рад, что я не был на рассвето-пробужденческом протесте, ибо я ни в коем случае не допустил бы, чтобы в резолюции были такие контрреволюционные, антинародные требования как следующее: „Мы просим, чтобы не заключалось никаких торговых сделок с большевицким правительством, потому что это сделает судьбу русского народа еще более тяжелой. Мы просим не забыть, что для того, чтобы уплатить займы, большевицкое правительство не имеет достаточно средств и оно будет продолжать грабить русский и украинский народ“. Это не только безмозглая контрреволюция, но это невероятное политическое невежество. Прежде всего, все правительства, раз они занимают деньги, не имеют чем платить. Все они платят про-

центы по займам, сдирая шкуру с трудовых классов. Странно слышать из уст рабочих заботу о мошне господ капиталистов! Дальше, как можно требовать воздержания **от каких бы то ни было торговых сделок** с советским правительством? Ну, а если оно покупает заграницей зерно, чтобы уменьшить размеры голода: тоже не нужно продавать из любви к русскому народу? Ох, эта любовь к народу контрреволюционеров, дорого она обходится народу! Если быть последовательным в непризнании и в лозунге „чем хуже, тем лучше", то зачем кричать о помощи голодающим в России? Ведь эта помощь помогает правительству справиться с большим несчастием и крепче стать на ноги. Не революционеры, а только контрреволюционеры заинтересованы получить в наследство от большевиков технически отсталую, нищую, голодную, вшивую Россию, ибо такую Россию они скорее взнуздают и крепче усядутся на ее спине. Мы же анархисты, мы революционеры, борясь с большевизмом, стремясь низвергнуть его, стараемся не увеличить разруху страны и бедствие трудового народа, а как можно уменьшить их. Не тот подход, не так говорится и не по революционному все делается! Не к капиталистам и их правительствам нужно обращаться, а к трудящимся всех стран. Наша задача сводится к тому, чтобы совправительство и большевиков не признали пролетарии всех стран, все трудящиеся, чтобы они не смотрели на них как на пример для себя, как на цель, к которой они должны стремиться у себя дома. Их мы должны звать на протест, на революционный протест против большевистского деспотизма, а не правительства и не тех, которые имеют возможность заключать торговые сделки с совправительством. Мы не можем звать к такой блокаде и к такой интервенции, к которой зовут детройтцы с Моравским. Мы можем и должны, например, призывать к бойкоту русского зерна, потому что это зерно отнимается у голодных. Мы можем звать к протесту против иностранных займов, когда они предназначены на милитаристические цели, **но мы не можем требовать блокады!** Кропоткин был против блокады, против непризнания самым решительным образом. Был он против этого не потому, что тогда были советы и были надежды на революционное строительство, он уже тогда отдавал себе ясный отчет, что революция пошла не по правильному пути и загублена диктатурой, а по тем же мотивам, по которым и я высказываюсь против лозунга непризнания. Просмотрите его письмо к западно-европейскому пролетариату, напечатанное в „Сборнике", и вы убедитесь в правоте сказанного. Называя большевистское правительство язвой, Кропоткин, тем не менее, усиленно рекомендует войти в деловые сношения с ним. На этом я закончу. Сердечный привет вам и остальным товарищам.

11 сентября, 1933.

Г. Максимов.

ПОЛОЖЕНИЕ В ИСПАНИИ

(МТР). Настоящий период жизни испанской республики ясно указывает на классовый характер нового режима, который уже безнадежно устарел. После апрельской революции поставлена большая точка. Теперь говорят о консолидации наследства и о защите достижений революции. Говорящие об этом хотят защитить капиталистическую систему, они, конечно, являются той кликой, которая извлекает личные выгоды из политической власти. Консолидация эта происходит на основе анти-пролетарской деятельности правительства Азаны. Теоретически под „демократию" подводятся твердые основы, на самом же деле все сводится к консолидации практических мер, толкающих к фашизму. Перед лицом революционных требований пролетариата, демократия и реакция создают единый фронт: об этом красноречиво говорит социальное развитие в Испании.

Здесь пролетариат уже давно сорвал маску с демократической политической игры и на первый план выдвинул социальную борьбу. Для этого положительного революционного шага не потребовалось никаких больших моральных усилий: достаточно было рабочему классу почувствовать на своей шкуре последовательные деяния „демократии".

После двух с половиною лет республиканского режима, изношенного и использованного буржуазными и социал-демократическими политиканами, мы твердо можем заявить, что, не смотря на сотни сфабрикованных законов, дюжины новых органов и тысячи вновь посаженных чиновников, кризис ухудшается с неумолимой быстротой, положение рабочего класса отчаянное, а аграрная реформа, которая является фикцией, не может устранить нищету сельско-хозяйственных рабочих, и что воззрение на собственность до сих

пор такое же феодалистическое, каким оно было во времена Бурбонов. По этой причине буржуазная демократия, являющаяся лишь сладким пирогом для так называемых левых политиканов, не может укорениться и умирает по причине собственной бесплодности. О ней, кроме министров, депутатов и чиновников, которые живут на ее счет, никто больше не думает. Ни рабочие, ни капиталисты не чувствуют ни малейшей симпатии к этому политическому подкидышу. Капитализм может обходиться без демократических методов: он довольствуется ими только в революционное время, вообще же он предпочитает „железный кулак", на который такая большая мода в Средней Европе. Пролетариат дорого расплачивается за свою ошибку в апреле 1931 года — он желает теперь воспользоваться первым представившимся историческим случаем, чтобы занять правильные позиции. Теперь, когда демократия обстроилась и царит переходный период, в социальной области должна наступить борьба двух главных сил, являющихся определяющими факторами новых изменений, поэтому вполне логично, что борьба между рабочим и капиталистическим фронтами теперь приняла форму чрезвычайной интенсивности и стремительности.

Национальная Конфедерация Труда, сильная анархо-синдикалистская организация испанского пролетариата, прекрасно понимает смысл современного политического развития. Республиканско-социалистическое правительство, чтобы привлечь на свою сторону заигрывающие с фашизмом силы, более или менее открыто поддерживает их. Господствующие ныне левые политиканы сами убеждены в том, что их правление скоро кончится и что к рулю идут правые элементы, в архиреакционной тенденции которых не может быть ни малейшего сомнения. (Прогноз оказался верным: правление левых политиканов кончилось, у руля реакционеры. Ныне правило — государственные социалисты расчищают путь реакции и фашизму. **Ред.**). Не взирая на это каолиция Азаны-Приэто-Кабаллеро желает оставить дружественным фашизму политиканам превосходную машину угнетения, поэтому они, незадолго до своего ухода, голосами социал-демократов спешно приняли ряд законов, которые отобрали от пролетариата всякую защиту. Самим важным является закон 8-го апреля о профсоюзах, изготовленный социалистическим министром Ларго Кабаллеро, по которому должна быть уничтожена свобода союзов, и которому, не смотря на его опубликование, Национальная Конфедерация Труда не подчинилась; дальше — закон о бродяжничестве и социально-вредных элементах и закон об общественном порядке, оба закона настолько реакционны, что даже сами реформистские организации почувствовали на себе их результаты и социал-демократический министр должен был уйти из правительства.

Пролетариат Конфедерации стоит перед несомненной борьбой с фашистской угрозой, омрачающей горизонт, и он пытается решить актуальный сейчас в Испании вопрос перемены режима в свою пользу.

Правительство с большой силой направило на Конфедерацию свой угнетательский аппарат: около 9,000 политических арестованных и 300 закрытых полицией местных союзов довольно красноречиво говорят о силе преследования. Класс же предпринимателей против Национальной Конфедерации Труда пустил в ход средства экономического угнетения. Социалисты также приняли участие в этом анти-КОНФЕДЕРАЛЬНОМ фронте и из министерства внутренних дел и из министерства труда немедленно последовала сильная аттака на анархо-синдикализм. Но все это только еще сильнее укрепило веру испанского пролетариата в Национальную Конфедерацию Труда, при помощи которой он, применяя прямое действие, сражается с враждебной каолицией. На политическое угнетение пролетариат отвечает всеобщей стачкой и огромными манифестациями протеста, на экономическое — стачками за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

Тактику преследования Национальной Конфедерации Труда правительство положило в основу своих действий, ибо этим оно думает продлить свою политическую жизнь. Одним из таких маневров, действительно самый смешный и красочный, является наспех состряпанный „заговор", который должен был послужить предлогом для того, чтобы вырвать из рядов Н.К.Т. несколько сотен борцев, которые якобы вместе с „фашистскими элементами" составили ужасный заговор против республики. Этим ударом „социал-азанизм" хотел доказать проклятой Национ. Конф. Труда свои полицейские способности и показать обществу, что в ней возглавлялась совместная работа с фашизмом. Но этим правительство добилось противоположного результата: оно подверглось сильному осмеянию. Вся страна смотрела на этот ужасный заговор с оглушающим хохотом: после 10 дней ареста суд освободил всех сторонников Н.К.Т. Все это привело триумвират: Азана — Приэто — Кабаллеро, к полному распаду. Их политическая база подорвана и следующие за ними политиканы будут еще больше за-

острять реакционную работу социал-азанизма. Национальной Конфедерации Труда, являющейся единственной гарантией Испании от фашизма и реакции, предстоят дни жестокой борьбы. В порядке дня политической и социальной действительности Испании стоит вопрос выбора: фашизм или социальная революция. В этой исторической обстановке пролетариат Конфедерации, закаленный в тысячах битв, будет на высоте своих задач.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ОСТРОВЕ КУБЕ

Для того, чтобы лучше понять драму, происходящую сейчас на плодородном и богатом острове Кубе, следует, хотя бы в кратких чертах, ознакомиться с историей и характером его населения.

Куба по пространству приблизительно равна Пенселвании и лежит в Караибском море, в 90 милят на юг от крайнего юга Соед. Штатов. Его население равно трем с половиною миллионам, треть которого составляют цветные, остальные две трети — европейцы, преимущественно испанцы и природные кубанцы испанского происхождения. Куба была открыта в 1492 г. Колумбом во время его первой поездки в Америку. В это время остров был заселен индейцами Сибонеями, которых насчитывалось около 200,000. Под жестоким владычеством цивилизованных христианских завоевателей они скоро совершенно вымерли, не оставив ни единого представителя своей рассы. Испанцы, нуждаясь в людях для обработки земли, решили привести африканских негров, таким образом началось рабство в Америке.

Куба с большим интересом следила за тем, как вначале 19 ст. латино-американские страны сбрасывали с себя испанское иго, но , ввиду ее размеров и географического положения, ее собственные революционные попытки легко подавлялись испанцами. В 1868 г. Карлос Мануэль, де Сеспедес, богатый кубанский плантатор, освободил своих рабов, сжег свою плантацию и поднял бунт, который, спустя 10 лет, закончился компромиссом; в 1895 г. снова вспыхнуло восстание под руководством Хозе Марти. Судьба кубанской революции была спасена, когда Америка об'явила войну Испании, это помогло в том же самом году выиграть независимость.

Американцы оставались на острове Кубе до 1901 г., в котором было собрано Учредительное Собрание и принята конституция. Американцы фактически продиктовали конституцию кубанцам и принудили их включить в нее дополнение, известное под именем дополнения Платта, по которому американцам давалось право на вмешательство во внутренние дела Кубы в интересах „охраны собственности, свободы, личных прав". Во время гражданской войны в 1906 г., американцы, на основании этого дополнения, вмешались во внутренние дела острова и оставались там в течении трех лет. После этого Америка вмешивалась дважды, но не оставалась там продолжительное время.

Американцы всегда мотивируют, что война против Испании и их вмешательство в кубанские дела носили альтруистический характер. На самом же деле война с Испанией была лишь поводом для расширения американского влияния на Вест Индию.

Испанцы проникли на Антильские острова (Вест Индия), в Мексику, в Центральную и Южную Америку при помощи меча и креста, американцы же, несколько веков спустя, проникли в „отсталые" страны при помощи рубля и тяжелых орудий своего флота, так именно они захватили Кубу. Они вошли в нее и заметили, что имеется огромная возможность для сахарной промышленности на широкую ногу, и решили, что было бы „преступно" позволить невежественным крестьянам держать в своих руках землю и выращивать только то, что необходимо для их собственного потребления.

Всеми правдами и неправдами американцы скупили земли у кубанских фермеров и в течении двух десятилетий прежде независимый и самостоятельный фермер Кубы превратился в „фермерские руки", работающие на американских сахарных плантациях длинные часы за ничтожную плату.

Мировая война до известной степени является причиной теперешнего состояния Кубы, потому что на сахар был больший спрос во время войны и после нее, и Куба с американским капиталом стала страной урожая и этим урожаем являлся сахар. Куба производит около 80% мирового производства сахара и когда американцы, при Гувере, приняли тарифный закон, по которому с каждого фунта кубанского сахара взималась пошлина в 2 сента, а Америка в большинстве употребляет кубанский сахар, это означало катастрофу для Кубы. Производство сахара пало с 6 мм. тон в 1928 г. ниже 2-х милл. в прошлом году. Цены упали с 22 с половиною в 1920 г. до 1 сента в прошлом мае. Эти цифры не требуют об'яснений, чтобы понять положение промышленности Ку-

бы, которой является главным образом сахарное производство. В течении последних двух лет Куба находилась в состоянии подлинной нищеты.

Мачадо, „законно" избранный президент под давлением Америки, обещал, что политическое спокойствие не будет нарушено, и где бы не проявлялась оппозиция, он не замедлительно подавлял ее всеми средствами, не останавливаясь даже перед убийством. Он и его тайная организация, называвшаяся „порра", убивали рабочих вождей, анархистов, коммунистов, политических лидеров, студентов, промышленников, одним словом, всех, кто, независимо от политической принадлежности, был против него или кто, по его мнению, мог стать угрозой для него.

Революция подымалась несколько раз, но терпела неудачу, так как Мачадо имел за собой сильную армию, которая готова была защищать его во всякое время — из всех государственных служащих армия была единственной, которой во время уплачивалось жалованье, другие государственные служащие не получали жалованья свыше года. Недовольство назрело. Им были недовольны не только анархисты, синдикалисты, коммунисты, (социалисты никогда не имели приверженцев в Кубе), но простые рабочие и фермеры, мелкие промышленники, студенты, профессора, интеллигенция и весь средний класс. Мачадо ушел в область истории как человек, против которого были все классы страны.

В связи с единым фронтом, образовавшемся стихийно против Мачадо, интересно отметить, что только коммунистическая фракция пыталась разбить это замечательное единство. В кубанских делах они показали себя, что они опортунисты и не имеют революционной этики. Они, представляя Кубанскую Национальную Конфедерацию Труда и называя себя Центральным Стачечным Комитетом, пошли в президентский дворец и заключили договор с Мачадо, что они отзовут забастовку, а он признает и легализует Коммунистическую Партию Кубы, Инернациональную Рабочую Защиту и пр. и в дополнении отменит налог, из-за которого вспыхнула стачка. Мачадо согласился (при создавшихся условиях он мог бы согласиться с чем угодно) и коммунисты обратились к народу с призывом прекратить стачку и стать на работу. К счастию никто не обратил на них внимания и Мачадо, спустя два дня после их предательства, был свергнут.

Куба всегда была благодарной страной для анархической пропаганды. Большинство анархистов, конечно, были испанцы, но с депортационной волной „вредных иностранцев", начавшейся во время президенства Хозе Мигуэля Гомеца в 1910 г., усилившейся во время президенства Менокаля и Зайяса и принявшей самые жестокие формы при Мачадо, в Кубе осталось незначительное число анархистов и кубанские рабочие стали склоняться к политике. Русская революция вызвала оптимизм в рабочих всего мира, в том числе, конечно, и у кубанских рабочих. „Коммунизм" проник в Кубу. Ссужаемый порядочными фондами из Монтевидео, где Коммунистический Интернационал имел денежный сундук для Америки, и обеспеченный деньгами, собираемыми в качестве членских взносов с членов рабочих союзов, которые контролировались коммунистами, как, например, Конфедерация, кубанские коммунисты были в своем роде главным каналом, отводившим рабочих от анархизма и свободнической революции.

Но Мачадо очень легко преуспел в подавлении как анархической, так и коммунистической пропаганды. По указанным выше причинам, анархизм, фактически, в течении многих лет был мертв вне рабочих организаций, но он, так сказать, окопался в рабочих союзах, которые он раньше контролировал, и теперь снова начинает проявлять признаки жизни и бороться с попытками коммунистов наложить на рабочие союзы свои разрушающие руки. В настоящее время рабочие силы разделены на три части — Коммунисты, Анархо-синдикалисты, которые работают внутри независимых и федеративных рабочих союзов, не контролируемых коммунистами, пытаясь поставить их на открытый анархо-синдикалистский путь и вырвать их из под влияния красных и желтых, и, наконец, независимые союзы, которые не интересуются ни рабочей солидарностью, ни классовой борьбой. После падения Мачадо сотни тысяч рабочих организовались в различные союзы и провели много успешных стачек.

Мы позволим себе бросить беглый взгляд на политическую ситуацию и рассмотрим программу нового правительства, которое именуется „коммунистическим", „анархо-синдикалистским" и т. д.

Грау Сан Мартин и его кабинет революционны в том только смысле, что они свободны от каких бы то ни было методов и программ. Одним из первых актов нового президента было узаконение 8-ми часовового рабочего дня, который явился тяжелым ударом для американских сахарных плантаций, где работали по 12 часов в день по цене ниже 10 сентов в день. Затем он распустил все старые политические партии; цель кабинета Грау — работать независимо от старых партийных по-

литиканов, продавших страну иностранцам, главным образом, американцам. Они говорят, что Мачадо был уголовным преступником, взяточником, мелким политиком, но что его предшественники не на много были лучше. Новые люди и новые пути — их девиз. Я сказал бы, что новое правительство имеет целью сделать Кубу страной внушающей уважение и политически и экономически независимой, т. е. оно пытается проделать нечто подобное Мексике, Китая и Турции. Это — жест бунта против иностранного засилья. Все современные члены правительства известны своими либеральными убеждениями. Они не принадлежат к политиканам старой школы и, по мнению беспристрастных наблюдателей, искренни в своих усилиях вывести народ из нищеты, они дали доказательство этому тем, что приказали некоторым большим компаниям, под угрозой отнятия от них дела, удовлетворить требования бастовавших рабочих. Мы могли бы сказать, пожалуй, что современное правительство Кубы буржуазно-радикальное (может быть несколько похоже на правительство Керенского), которое искренне пытается разрешить социальную проблему, без нарушения капиталистического фундамента.

Независимо от того, как бы правительство Кубы не было искренне и радикально, оно не может далеко зайти в области социальных реформ, не может во всем пойти на встречу рабочему классу уже по той простой причине, что этого ему не позволят Соед. Штаты, которые, фактически, являются хозяевами острова, в промышленность которого они вложили более полутора биллиона долларов. Соед. Штаты не позволят, чтобы Куба дала пример для других родственных ей республик латинской Америки.

По моему мнению, в Кубе не может быть мира, потому что старые политиканы не будут сидеть сложа руки, они попытаются снова завоевать себе прежнее положение, для чего они постараются использовать недовольство народных масс, положение которых при новом правительстве не улучшится, ибо правительство в своих реформах не может пойти дальше указанного Америкой предела.

С другой стороны, если рабочие попытаются перенять все в свои руки, Америка незамедлительно вмешается и зальет остров рабочей кровью. Имеется, конечно, возможность, что правительство удержится путем компромиссов вправо и влево и будет править как „либеральное" правительство, на подобие американского правительства Рузвельта. Я лично склонен думать, что в Кубе революцию начнут старые политиканы, а Америка сейчас же вмешается в целях охраны порядка, свободы и т. д.

Онофре Даллас.

„Пробуждение" и Анархическое движение

В Детроите 25-го декабря 1929 г. одновременно происходили с'езды Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций и конференция групп и организаций, примыкающих к изданию журнала „Пробуждение", на которых было решено слиться в одну организацию и издавать общими силами „Рассвет" и „Пробуждение". Решение это опубликовано в № 12 (май, 1930) и гласит следующее:

„Конференция нашла нужным присоединиться к решению с'езда, т. е. иметь одну федерацию под названием Федерация Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций, которая будет издавать оба органа — газету и журнал".

№ 13 (август, 1930) „Пробуждения" вышел под общим с „Рассветом" подзаголовком. Таким образом произошло полное слияние пробужденцев с рассветовцами и оба органы официально стали ответственны друг за друга. Однако с № 15 (фвраль, 1931) „Пробуждение" внезапно изменило подзаголовок на „орган федерации групп „Пробуждение" Соед. Штатов и Канады", который продолжает оставаться до сих пор. Эта перемена подзаголовка заставляет думать, что пробужденцы вышли из состава Федерации Русских Рабочих Культурно - Просветительных Организаций и организовали свою независимую Федерацию и что „Рассвет" и „Пробуждение" издаются различными организациями. Так получается. Однако, если мы станем искать в „Пробуждении" соответствующего на этот счет постановления, мы найти его не сможем, потому что такого постановления никогда не было. Такое изменение в подзаголовке, повидимому, было вызвано необходимостью скрыть связь „Пробуждения" с „Рассветом", который своей политикой все более и более компрометировал журнал в глазах анархистов и радикальных рабочих. На самом же деле изменение подзаголовка не повлекло за собою изменения отношений между журналом и газетой. Сами пробужденцы не только не отрицают своей тесной, кровной связи с „Рассветом", а, наоборот, своими поступками подчеркивают эту связь. Так, например, когда детроитская группа „Дела Труда" предложила им (в декабре 1932 г.)

об'единиться с Федерацией анархистов-коммунистов на основе полного публичного отказа от „Россвета“ и его руководителей, то они даже и слушать не захотли об этом. Итак, „Рассвет“ и „Пробуждение“ и поныне продолжают быть тесно связанными между собою и несут один за другого моральную ответственность т. е. пробужденцы морально ответственны за направление и политику газеты „Рассвет“. А какова же политика и направление газеты „Рассвет“?

„Дело Труда“ в прошлом номере (№ 76, статья „Рассвет“ — проводник русского фашизма“) показало и неопровержимо доказало фактами, взятыми из самого „Рассвета“, что эта газета содействует: 1) проведению в русскую колонию фашистских идей, 2) распространению национал-шовенистических идей, 3) распространению антисемитизма и 4) расширению и укреплению влияния церкви.

„Рассвет“ и „Пробуждение“ молча приняли эти обвинения, ибо ничего не могли возразить в свою защиту, так как приведенные в статье факты слишком наглядны и неопровержимы. Чтобы ослабить впечатление, в „Рассвете“ начали было писать статьи против националистического перегиба палки некоторыми сотрудниками и корреспондентами газеты и некоторыми „товарищами“, **но не самой газетой,** которая, по общераспространенному мнению рассвето-пробужденцев, ко всем этим обвинениям не имеет никакого отношения, ибо „Рассвет“ является „местом для обмена мнений русской прогрессивной части колонии“ („От Фед. Р. К. П. орган. Обращение к корреспондентам“. — „Рассвет“, 20 окт., № 244, 1933 г.)

Снимать ответственность с „Рассвета“ на том основании, что он не отвечает за статьи своих корреспондентов и сотрудников, особенно, когда они печатаются в „свободной трибуне“, очень смахивает, простите за грубость сравнения, на оправдание содержательницы дома терпимости: „лишь дом мой — место для греха, но сама-то я не грешу“...

И вот, после того, как „Дело Труда“ неопровержимо доказало реакционный характер газеты „Рассвет“, пробужденцы выступили в этой самой газете с воззванием („В фонд „Пробуждения“, 7 окт. № 233, 1933) к анархистам о необходимости борьбы с фашизмом и национализмом, ни словом не обмолвившись о „Рассвете“ и его национал-фашистской лихорадке последнего времени. Ни слова осуждения, как будто ничего не случилось.

Почему это? Потому что осудить „Рассвет“ значит осудить и себя, ибо это их ежедневный орган, за который они несут моральную ответственность.

Пробужденцы в воззвании проливают горькие слезы о дегенерации русского анархического движения в Америке и Канаде, о падении сплоченности анархических рядов, о том, что не держится уже „знамя свободы на достойной высоте“, что „последняя декада внесла в ряды безвластнического движения склоку, сменовеховщину, разные уклоны, перегруппировки, расплывчатость и даже тягу некоторых лиц к большевизму и национал-фашизму“ и что в этом отношении некоторые безвластники „дошли до небывалых крайностей“.

Этот плач на реках детроитских напоминает хитрую проделку вора, который бежит впереди преследующей его толпы и кричит вместе с ней: „держи, держи вора!“

Пробужденский Иов сетует на дегенерацию русского анархического движения в Соед. Штатах и в Канаде. Ну, а кто повинен в этой дегенерации? Об этом ни звука, ни гу-гу, молчок. Всем известно, что „Рассвет“ является продолжением анархических „Американских Известий“. Всем известно, что собою представляет в настоящее время „Рассвет“. Всем известно, что в целях борьбы с дегенерирующим „Рассветом“ и спасения анархического движения от его разлагающего влияния возникла и сплотилась Федерация анархистов-коммунистов. Всем известно, что орган этой федерации, „Дело Труда“, всегда разоблачал рассветовскую природу. Но всем также известно, что „Пробуждение“ и пробужденцы боролись и продолжают бороться с этой федерацией и с „Делом Труда“, защищая „Рассвет“ и его политику. Всем известно, что „Пробуждение“ слитно с „Рассветом“ и что пробужденцы не желают расстаться с этим „полезным“ органом, несмотря на его разлагающее влияние. В самом деле, выступало ли „Пробуждение“ хоть раз против рассветовской реакционности? Нет, ниразу. Обличило ли оно хоть раз „Рассвет“ в перегибании палки в сторону враждебную анархизму? Нет, ниразу. Следовательно, „Пробуждение“ и пробужденцы разделяют с „Рассветом“ и рассветовцами вину за дегенерацию русского анархического движения в Америке. Это ясно.

Далее воззвание „Пробуждния“ сетует на отсутствие сплоченности в русских анархических рядах. Это не правда. Федерация русских А.-К. Соединенных Штатов и Канады, издающая „Дело Труда“, представляет собою не плохой образец сплоченности и преданности идее: 12—15 небольших групп, на 90% состоящих из безработных, упорно продолжают пропаганду анархического коммунизма, издают журнал, брошюры, книги, помогают по-

литическим заключенным в России, устраивают лекционные туры, единым и согласным фронтом ведут борьбу и против большевизма, и с разлагающимся и разлагающим других „Рассветом" и его сторонниками, сами быстро справились без ущерба для движения с „аршиновщиной" и т.д. Это ли не сплоченность?! Возможно, что в рядах рассвето-пробужденцев отсутствует сплоченность, ну, так это естественно и вполне понятно. Какая может быть сплоченность среди людей, в одном органе которых пишет подлинный анархист (находящийся в заблуждении насчет „Пробуждения") Неттлау, а в другом попы Желтоноги, Краци, да Батановы.

Не держится „знамя свободы на достойной высоте", жалуется „Пробуждение". Верно, чистая истина. Но, позвольте спросить — кем оно не держится на должной высоте? Всеми? Нет! Самим „Пробуждением", самими пробужденцами. Почему? Потому что они прикрывают собою „Рассвет". Какое же знамя свободы может быть у „Рассвета", когда на его страницах ежедневно красуется с полдюжины знамен: трехцветное, белое, зеленое, красное, черное, желтое и т. д.? когда проповедники фашизма, церковности и пр. реакционной билеберды имеют там „и стол, и дом"? Что сделало „Пробуждение", чтобы поднять знамя свободы на достойную высоту? Держится „Рассвета" и не желает с ним расстаться!

Сменовеховщина забралась в анархические ряды, пишут в воззвании пробужденцы. Верно. „Рассвет" блестящий пример. Сколько вех он сменил, пока докатился до теперешнего состояния!

Кто поддерживал, оправдывал и защищал эту постоянную, ежедневную смену вех? Кто? „Пробуждение" и пробужденцы. Восставали ли когда либо пробужденцы против этой возмутительной смены вех? Нет, никогда. Перелистайте „Пробуждение" с первого до последнего номера и вы не найдете в нем ни слова упрека, ни намека на осуждение политики „Рассвета", защиту же найти там можно.

„Уклоны" тоже раз'едают русское анархическое движение в Америке и воззвание зовет к борьбе с ними. То, что существуют АНАРХИЧЕСКИЕ УКЛОНЫ В АНАРХИЗМЕ, совсем не беда — они всегда существовали и будут существовать, но беда когда в движении существуют „уклоны" во враждебную анархизму сторону: в сторону шовинизма, национализма, церковности, в сторону реакции. „Рассвет" и рассветовцы полны таких „уклонов". И вот, пробужденцы, вместо того чтобы отшивать от движения людей с такими уклонами, защищают их, защищают „Рассвет" и тем самым содействуют росту этих „уклонов" и культивируют „тягу к национал-фашизму", против чего зовут бороться. Но борятся ли пробужденцы с этой тягой? Об'яснили ли они гартфортцам и другим, что протесты против большевистского режима с монархистами (Измайлов и др.), с церковниками, с националистами — преступны и ведут к усилению этой тяги к национал-фашизму? Впрочем, с какими организациями сами детроитские пробужденцы протестовали против большевистского террора — не с теми ли, против террора которых приходилось протестовать во времена царизма? **Против большевиков надо протестовать, протестовать энергично, сильно, но нужно знать с кем это можно делать.** А что сделали пробужденцы, чтобы заставить „Рассвет" прекратить лить воду на национал-шовинистическую мельницу? Обличили они его? Осудили его? Порвали с ним? Пригвоздили его к позорному столбу? Нет, прошли молчанием, прикрыли!

Как же после всего этого пробужденцы осмеливаются говорить о себе: „мы, остающиеся верными старым заветам, как всегда, стремимся предупредить его (безвластнического движения) страшное крушение. Мы стремимся пресечь корни шовинизма на теле безвластнических идей"? Как они могут пресечь эти корни, когда они защищают „Рассвет", разбавляющий эти „старые идеи", идеи анархического коммунизма, сороковыми бочками национал-шовинизма и церковности?

Как пробужденцы могут пресечь корни шовинизма на теле безвластнических идей, предоставляя этим корням, при помощи „Рассвета", углубляться и охватывать все большее и большее пространство?

Странный способ борьбы с язвой — прививать ее всем! Политика пробужденцев в данном случае напоминает политику трезвости царского правительства — торговать водкой и насаждать общества народной трезвости, которые ни на иоту не уменьшали пьянства, но зато успокаивали совесть спаивавших народ. Ни на иоту не уменьшат зла „Рассвета" и группы „Пробуждения, ибо они, по отношению к „Рассвету" — общества трезвости.

Кто же после всего этого может поверить в искренность пробужденцев? Никто. Пробужденцам поверят только тогда, когда они станут разоблачать „Рассвет", когда они отойдут от него, когда они сами не будут якшаться с националистическими, церковными и прочими реакционными организациями. Только тогда мы, анархисты-коммунисты, и революционные рабочие сможем протянуть им руку дружбы и работать совместно с ними за социальную революцию. Будем надеяться, что это время не за горами.

Г. Максимов.

ПОМОГИТЕ ЖЕРТВАМ ГИТЛЕРИЗМА!

История повторяется — это трагически верно. Во время диктатуры Примо де Ривера тысячи революционных рабочих Испании вынуждены были, ища спасения, оставить родную страну. Тоже самое случилось в Италии, когда фашизм овладел страной. А теперь вот из Германии свободники всех оттенков ищут спасения и убежища в других странах. Кровавое варварство и террор гитлеровского режима торжествует в Германии, убивая и уничтожая все проявления радикального и революционного характера. Его жертвы исчисляются сотнями тысяч и с каждым днем реакция становится все более и безчеловечной и жестокой. Тюрьмы и концентрационные лагери переполнены и к несчастным жертвам германского фашизма применяются самые ужасные пытки. Наибольшее число этих жертв — революционные пролетарии, страдающие за свои идеалы. Их семьи, родственники и друзья подвергаются бесстыдным и жестоким издевательствам со стороны кровожадных гитлеровцев.

Германские рабочие находятся в таком состоянии, что не в силах помочь своим заключенным братьям и их семьям. Большинство из них без работы с самого начала кризиса и сейчас в Германии свыше 7 мм. безработных. Даже хуже того, сейчас не возможны никакие попытки со стороны организованного труда помочь заключенным пролетариям и их семьям. Единственная надежда революционных и рабочих жертв гитлеризма и их семейств — это интернациональный пролетариат. Теперь помощь зависит от революционных рабочих всех стран; материальная и моральная помощь — их священная обязанность. Повелительно необходимо, чтобы все организации, входящие в состав Международного Товарищества Рабочих, не теряя времени, пришли на помощь своим товарищам-мученикам, анархо-синдикалистам, в Германии и тем, которые нашли убежище в чужих странах. С этой целью немедленно должны созываться специальные митинги и должны быть приняты все меры, чтобы помочь нашим страдающим братьям.

Больше того, каждая секция М. Т. Р. должна устроить так, чтобы некоторое число наших немецких беженцев, нашедших убежище в ее стране, находилось на ее попечении и было обезпечено материальной помощью и работой. Пусть наш благородный девиз интернациональной солидарности не останется голой фразой.

Теперь время продемонстрировать, что солидарность и взаимная помощь — живые силы в революционном рабочем движении. В настоящий момент секции М. Т. Р. стоят перед лицом этой священной обязанности, и мы уверены, что они будут на высоте истинного духа нашего социального идеала.

Один за всех и все за одного! В этом наша сила и наша надежда. Не забывайте никогда, что цлеь интрнационального пролетариата одна и таже всегда и везде. сегодня мы призваны помочь нашим преследуемым братьям в Германии, вчера мы помогали другим странам, завтра может быть мы должны будем придти на выручку жертв реакции где либо в другом месте. Реакция интернациональна и наша солидарность должна быть также интернациоальной.

Мы торжественно призываем как все секции М. Т. Р., так и все революционные и рабочие организации и свободнические элементы вообще, немедленно организовать активные кампании в пользу наших преследуемых революционных братьев в Германии. НЕОБХОДИМА ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ — МОРАЛЬНАЯ И ФИНАНСОВАЯ.

Товарищи и друзья, не теряйте драгоценного времени! Помощь страшно необходима. Жертвы фашистского преследования в Германии и те, которые нашли убежище в других странах, ждут от вас солидарного действия. Они имеют право на ваше товарищество и заступничество. Не разочаруйте их, — не пренебрегите своей обязанностью. Организуйте сборы и протест-митинги в пользу жертв гитлеризма. Интернациональная кампания против фашизма!

Да здравствует интернациональная солидарность М. Т. Р.!

Секретариат МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Все пожертвования просим направлять по адресу:

A. I. T. Pedro Orobon, Aportado 9029, Madrid, Spain.

АРЕСТЫ АНАРХИСТОВ В С. С. С. Р.

(Русский фонд помощи при М. Т. Р.)

Нам сообщают о новых арестах анархистов и сочувствующих, имевших место в Одессе, Томске и др. местах.

Как всегда аресты производятся без всяких причин и „приговоры“ выносятся в административном порядке, т. е. без суда и следствия — органами Г. П. У.

В Одессе арестованы т. т. РАХИЛЬ ВЕНГЕР, Ф. ГЕКСЕЛЬМАН. И. РАБИНОВИЧ и др.

Несмотря на отсутствие какого бы то ни было состава преступления они уже восьмой месяц находятся в заключении в полном неведении относительно их дальнейшей судьбы.

В январе с. г. в Томске было арестовано 9 товарищей, отбывавших ссылку в этом городе. После 7-ми месяцев заключения в Ново-Сибирской тюрьме, все они получили „приговоры" — 3 человека в политизолятор, трое — продление ссылки и трое на „свободу" . . . За что? . . . Полная загадка!

Т.т. КОРДАО, МАХОНИН, КУМАНОВ и др., арестованные в прошлом году в Архангельске, где они отбывали ссылку, „обнаружены" сейчас в Верхне-Удинском политизоляторе (см. бюллетень № 26)

В трагическом положении, как нам сообщают, находится т. БОТРАК. Выйдя из Верхнеуральского политизолятора он был сослан сначала в Туруханск (Сибирь), а затем получил назначение в Красноярск. Здоровье его, в результате многолетних мытарств и преследований, настолько надорвано, что жизни его угрожает серьезная опасность . . .

Т. ИВАН КРУГЛОВ, арестованный 3 года тому назад (после 6-ти лет тюрьмы и ссылки), окончил срок заключения и получил ссылку на 3 года в г. Павлодар (Казакстан).

Тов. ЮРЧЕНКО сослан на 3 года в Красноярск.

Тов. ТАРЛОВСКИЙ — на тот же срок в Петропавловск.

Тов. ВАСИЛ. АЛЕКСАНДРОВ получил 3 года заключения в Суздальском политизоляторе.

Тов. НИКОЛАЙ ЛАНГ по отбытии заключния в Верхне-Уральском политизоляторе сослан в Красноярск.

Тов. МИХ. ВСЕВОЛЖСКИЙ и И. ШКОЛЬНИКОВ сосланы в гор. АСТРАХАНЬ.

Т.т. Ф. ГОЛУБЬЕВ, В. КОСОВ, А. ЛУКЬЯНЧИКОВ, И. САЛМАНОВИЧ и др. сосланы в Саратов.

Тов. ВАС. ИВАН. МАЛОВ — в Курск.

АНТОН ШЛЯХОВОЙ и КИРА ШТЮРМЕР сосланы в Бирск (Башкирия).

В. ПИКУНОВ и ЛЮБАРСКИЙ — в Ульяновск.

Тов. КУПРИЯНОВ — в Казань.

Т.т. М. ВЕДЮКОВ и К. ОРЛОВ — в Томск.

Т.т. НИК. КОЛОТИЩИКОВ и АШОТ ПЕТРОСЯНЦ в Чимкент (Каспия).

Получили ссылку в дер. Брагино (Зап. Сибирь) т.т. ВЛАДИМИР ХУДОЛЕЙ, АВДЕЕВ (максималист), МИХАИЛ СМИРНОВ, БЕР, ИЛЬЯ МЕНЩИКОВ и ШАРЕВСКИЙ.

Тов. ЛЕВ БЛЮМИН сослан в Пензу.

Т. ТИМОФЕЙ ПЛОТНИКОВ в Коканд (средняя Азия).

Т.т. НИКОЛАЙ ТУМАНОВ и ПАСТУХОВ — в Кострому.

Тов. А. КОЛЕМАСОВ сослан на 2 года в Семипалатинск.

Т.т. СТ. РАЗИН, ЖАН КОЛОГРИВ и А. А. СОЛОНОВИЧ сосланы в селе Каргасок, Нарымского края.

ВИКТОР БЕГУН заключен в Суздальский политизолятор на 3 года.

(Прололжение следует)

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

САН-ФРАНЦИСКО, КАЛ.

Пора сделать чистку.

Поражение Врангеля, Колчака и др. белых банд увеличило русскую эмиграцию в Соед. Штатах людьми, которые не имеют никакого понятия о революционном рабочем движении и враждебны ему. По всем странам рассыпались сынки привилегированных, офицеры, помещики, фабриканты, крупные и мелкие чиновники, адвокаты, врачи, профессора, художники и пр. и пр. Большинство из них вскормлены трудом и потом сперва крепостных, а затем трудом наемных рабов, с молоком матери всосали органическое отвращение и презрение к труду, как к чему-то унизительному и гадкому. Такое отношение к труду передавалось из поколения в поколение. Безделие, пьянство, разврат, насилие, издевательство, натравливание русских на другие национальности, родиной которых была и есть Россия, взяточничество, уничтожение всякого зародыша свободной мысли — это была их стихия. Большая часть этих обломков царской России досталась на долю Америки. Возненавидив большевиков, они ненавидят не только тех, которые стоят левее большевиков, но и всех тех, кто стоит от них вправо. Не зная разницы в идеях, они примкнули к рабочим организациям, критикующим большевиков. Во многих городах я встречала их в союзах русских рабочих. Вот это и есть тот элемент, который вносит в рабочую семью раздор. Своей ненавистью к большевикам они хотят убедить рабочих какой помощью они могут быть в случае надобности. И они достигают своих целей — многие наши русские радикалы с ними братаются. Природное русское добродушие и доверчивость, а также неумение разбираться в людях заставляет их делать непростительные ошибки и помогает им забыть, что этот элемент с буржуазной, мелкочиновнической, эксплоататорской психологией, что он никогда не пойдет с нами, рабочими, нога в ногу. Они яд и позор в наших рабочих организациях. Они с нами, пока мы против большевиков, но если вспыхнет революция и они выиграют, то они утопят нас в нашей крови, как это сделали большевики с нашими лучшими революционерами.

Этот элемент уже теперь старается во всю незаметно вносить раздор и недружелюбие между членами рабочих организаций, разжигая националистические чувства, натравливая одних русских против дургих, как ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НЕДАВНО В САН-ФРАНЦИСКО, ГДЕ ТАКИЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ОТКАЗАЛИСЬ УЧАСТВОВАТЬ В РУССКОЙ ПЬЕСЕ В ПОЛЬЗУ СОЮЗА ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО В ПЬЕСЕ УЧАСТВОВАЛИ И ЕВРЕИ.

Пора сделать чистку рядов рабочих организаций. Пора начать разбираться кто с нами и кто против нас. Эти элементы не увеличивают ряды организованных рабочих, а раздробляют их и отталкивают честных работников.

Товарищи Пробужденцы, ко всем вообще, а к вам в особенности, обращаюсь я: подумайте, пока не поздно, куда вас ведут те, которые предоставляют страницы газеты „Рассвет" монархистам, попам, национал-шовинистам, открыто проповедуют фашизм.

Как вы, рабочие, можете защищать такую газету или иметь с ней что либо общее? Неужели ваша совесть, совесть рабочих, не возмущается?

АНЮТА.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда" — орган анархо-коммунистической мысли.

ЛОС АНЖЕЛОС, КАЛ.

Необходимая поправка

В № 75 „Дело Труда“ была помещена статья т. А. Леонова под заглавием: „Русский Прогрессивный Клуб“ или „Союз Русских Рабочих“, в котором тов., очевидно, хотел познакомить иногородних друзей и товарищей с положением дел Союза и деятельностью некоторых личностей в таковом. Но, к сожалению, тов. Леонов все перепутал, и факты, которые он привел, не соответствуют истине.

Нас статья Леонова ничуть не удивила, но нам не понятно почему редакция поместила подобную корреспонденцию без предварительной справки, тем более, когда это касается организации и, следовательно, нашего общего дела. Мы рекомендуем и настаиваем, чтобы редакция „Д. Т.“ впредь относилась более осторожно к подобным корреспонденциям.

Теперь, чтобы не было никаких недоразумений, мы считаем своим долгом сказать о нашей группе следующее: из всего сказанного тов. Леоновым в его корреспонденции мы соглашаемся только с тем, что потребовалось много труда и усилий оборудовать помещение нашей организации. Но мы не можем согласиться с тем, что Карамазин заслуживает в этом деле, наибольшую благодарность. В чем действительно Карамазин выделился больше всего, так это в расходовании денег на покупку вещей совершенно лишних, не считаясь ни с предупреждениями т.т., ни с финансовой стороной Союза. В результате его хозяйничанья Союз имеет порядочную сумму долгов. Относительно недочетов, о которых говорит Леонов, заявляем, что, как Анархическая Группа, мы раньше, до открытия помещения и после, а также до настоящего времени работали и будем работать совместно с родственными нам Анархическими Группами, поэтому все рассказы Леонова относительно того, что мы как будто бы не согласны были работать вместе, не на чем не основаны. Мы также работаем, по силе возможности, в отношении Анархической пропаганды среди русской колонии. Если мы еще не достигли желательного результата в этом направлении то только благодаря сознательному саботажу некоторых личностей, с которыми в настоящее время работает, к сожалению, и Карамазин. Эти люди задались целью усердно „поработать“ не против угнетения трудящихся, а против Союза Русских Рабочих гор. Лос Анжелес, в чем, конечно, потерпели полное фиаско. Вот этих то лиц, по заявлению А. Леонова, Союз как будто бы оттолкнул. За исключением Карамазина, остальные никогда членами нашей группы не были. Ихняя деятельность вначале открытия нашего помещения заключалась в том, чтобы захватить все в свои руки, но когда им это не удалось, они просто перестали посещать Союз.

И скатертью дорога! Мы про них уже было забыли, но раз Леонов вспомнил о них, то наша обязанность выставить их в настоящем виде. А также дать понять редакции с какими личностями она рекомендует нам об'единиться.

Мы строго придерживаемся принципа Анархизма, в направлении которого будем работать по силе возможности и в дальнейшем, не взирая на разную клевету от кого бы она не исходила.

Союз Русских Рабочих Гор. Лос Анжелес.

От редакции.

Редакция не думает оправдываться перед Союзом Русских Рабочих города Лос-Анжелеса, она хочет только об'яснить и выяснить недоразумение.

Предварительная справка редакцией наводится о той или другой корреспонденции в том случае, если автор корреспонденции неизвестен редакции, если корреспонденция содержит нечто такое, что возлагает на редакцию большую моральную ответственность. В случае с Леоновым ничего такого нет: Леонов старый член нашего движения, годы состоит в связи с „Д. Т.“, корреспонденция его носит характер благожелательной товарищеской критики, больше того, Леонов даже выражает в ней готовность снова работать с Союзом. Каждый член любой группы нашей федерации имеет право свободно высказаться на страницах журнала о линии поведения, о направлении и характере деятельности его группы, федерации в целом, редакции и пр. при одном непременном условии: отсутствие личных нападок, клеветы, дрязг, оскорблений и т. п. Леонов использовал свое право, теперь этим правом пользуется *Союз* в целом. Что касается об'единения, вернее единства наших сил, то, когда идет речь о внутренней жизни и деятельности групп нашей федерации мы, дорогие товарищи, рекомендуем то, что рекомендовали в позапрошлом номере: старайтесь ставить интересы общественной работы выше личных маленьких самолюбий. Никого не отталкивайте: дайте каждому проявить свои способности, больше того, помогайте им в этом. Наше движение нуждается в единстве, для него каждый человек ценен и дорог. Дружеская атмосфера в группах, сработанность, согласованность, терпимость к недостаткам другого — залог успешной деятельности.

Слово „отдельного товарища“.

Отвергнуть солидарность
с неправильным деянием.
Неттлау.

Присоединяясь к резолюции группы Сант-Луйса, а именно к 2-му пункту, я вполне с ними соглашаюсь, что Рассвето-Пробужденцы — верхушка и низовики — это одно нераздельное. (Так и запишем, что рассветовские низовики это туловище без головы). И вот на этом то туловище и была приделана рассветовская головка, которая посредством этого туловища имела свои щупальцы, много глаз, и крикливо оглушающий голос; при том это уродливое существо сильно ядовитое.

Чтоже делать? Тратить время для того, чтобы убить его?

Нет, товарищи, „дела и труда“, оставьте его, пусть это чудовище подохнет естественной смертью.

Я хорошо вижу, что заражение (если не разложение) происходит повсюду. По этой причине и об'единение невозможно. Да в сущности и подход не анархический (см. мысли Кропоткина № 20 „Д. Т.“ предпоследний абзац). Такое об'единение подобно тому как бы мы пошли собирать грибы: вместо того, чтобы собирать осматривая и тогда класть в корзину, мы вдобавок нашли мешок кем то уже собранных грибов и забрали его. Оказалось, что они имеют в себе яд — отраву.

Когда я заметил сильный упадок анархического движения и зарождавшуюся рассветовщину, я единственная личность из русских участвующий в организациях, кого большевистская волна не захватила, начал по прямой свя-

зи списываться, расспрашивать, протестовать, указывая, что ставящий поезд не новые рельсы пойдет по неправильному пути. И вот сегодня этот „поезд“ с нашими драгоценностями, добытыми упорным трудом стоит на краю пропасти.

Что еще можно сказать по этому поводу? Разве только то, что я вижу три категории людей: одни работают в настоящем — живут будущим, другие живут настоящим — работают для будущего, третьи ни живут будущим, ни работают для него. Это грубейшие материалисты-пошляки. Они-то грязнят идею анархизма, на которой бы стороне они не находились.

Нужно выяснить истину: когда анархия не дала им желанного, их мечты не осуществились, тогда они открыли газетию и торгуют идеей анархизма, как попы христианством. Тут и выяснилось их нравственное банкротство вокруг рассветовщины.

Кругозоров.

МОНТРЕАЛЬ, КАНАДА

Резолюция Союза Российских Тружеников гор. Монтреаля, Канада.

Союз Российских Тружеников на своем собрании 3-го сентября с. г. обсудив всесторонне вопрос о созыве совместной с рассвето-пробужденцами конференции на предмет об'единения с делотрудовцами, пришел к следующему заключению:

В виду того что со стороны „Дела Труда“ была сделана попытка к об'единению и, в виду того, что эта попытка была категорически отвергнута пробужденцами, предпочитающими союз с отцами Желтоногами и „Рассветами“, Союз целиком присоединяется к резолюции товарищей из Ст.-Луиса и Медисона и заявляет, что он в таких конференциях участвовать не будет. Что касается „рядовых“ рассвето-пробужденцев, то для них двери нашей организации всегда открыты, ели они очнутся от рассветовского опиума и желтоноговского ладана.

Союз обращается с призывом к тем товарищам, которым дорог идеал анархического коммунизма и которые желают вести борьбу за освобождение человечества от власти и капитала, вступать в ряды нашей, чисто рабочей анархо-коммунистической федерации, издающей журнал „Дело Труда“.

Пробужденцы! вы — рабочие и вам не место в организации, в газете которой находят приют генералы, офицеры и попы. Пора опомниться и начать организовываться вокруг „Дела Труда“, чтобы общими усилиями создать большую, сильную, боевую, революционную организацию в целях подготовки анархической социальной революции.

Союз Российских Тружеников гор. Монтреаля, Канада,
Секретарь, *Г. РЕЗАНОВИЧ.*

К СВЕДЕНИЮ
РУССКИХ ПРОЖИВАЮЩИХ ВО ФРАНЦИИ

Интернациональный сборник „П. А. КРОПОТКИН И ЕГО УЧЕНИЕ“ продается в магазине Франзена

11 rue de Cluny, Paris (V)

Цена 10 франков

Там-же продается и журнал „ДЕЛО ТРУДА“.

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ по изданию журнала „Дело Труда“ №76.

ПРИХОД:

За проданные журналы от: Группы, Ст. Луис, Мо., — 1.95; И. Волкова, Чикаго, — 4.00; Л. Скобликова, Чикаго, — 0.50; Н. Феденко, Бетлегем, Пен. — 5.50; Группы, Детройт, — 10.00; Группы, Филадельфия, — 5.00; Группы, Нью Йрк, — 3.00; Группы Акрон, — 2.50; Группы, Балтимор, — 4.00; Д., Париж, Франция, — 2.00; Группы Юнгстаун, Огайо, — 7.50.

В фонд „Дело Труда“: — Союз Русских Рабочих, Лос Анжелос, — 5.00; Группы, Ст. Луис, — 4.30; Союз Российских Тружеников, Монтреаль Канада, — 3.00; Группы, Филадельфия, — 6.00 и 9.00 за лотарейные билеты; Луфаренко, Чикаго, — 1.00; Петрова — 0.25; — Волькина — 1.00; Группы, Нью Йорк, — 6.00; Группы, Акрон, — 2.50; Ф. Серадосенкова, Балтимор, Мд. — 10.00; — Левинского — 0.50; Л. Скобликова, Чикаго, — 1.00.

За литературу от: Феденко, Бетлегем, — „Мое Соц. Кредо“, — 0.50; Группы, Ст. Луис, — 1.00; Группы, Детройт, — 2.50; Группы, Юнгстаун, — 1.50 и за брошюру Рассвет Проводник Русского Фашизма — 2.50; От продажи сборника, Париж, Франция, — 5.00; Л. Скобликова, Соц. Кредо, — 0.35.

На покрытие долга по изданию сборника от группы Ст. Луис, Мо., — 5.00 и от Прогрессивного Клуба, Чикаго, Я 5.00. В фонд помощи Н. Махно от Союза Российских Тружеников, Монтреал, Канада, — 3.00. За протест-открытки от группы, Детройт, — 2.50. За портрет-карточки П. Рогдаева — 35 сентов. ВСЕГО — 124.70.

РАСХОД:

Типография — 105.00; Экспедиция — 14.29; Мелкие почтовые расходы — 3.58; Экспедиция брошюры Рассвет проводник русского фашизма — 3.50; Уплачено за протест-карточки — 2.50; За брошюры: Мое Соц. Кредо и Рассвет проводник русского фашизма — 7.50; Выслано К. Засимовичу в счет взаимообразного долга по сборнику — 10.00; Выслано в фонд Н. Махно — 3.00; Выплачено в комиет сборника — 5.00. ВСЕГО — 154.37

ОБЩИЙ ПРИХОД 124.70
ПЕРЕХОДНАЯ СУММА 40.74

ИТОГО 165.44
ОБЩИЙ РАСХОД 154.37

ОСТАТОК НА № 77-ой........ 11.07

Редакционная Коллегия.

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ТРУЖЕНИКОВ гор. МОНТРЕАЛЯ, КАНАДА

ОТЧЕТ

В фонд „Дело Труда“ жертвовали следующие товарищи: М. Паретов — .50с; Н. Мисюро — .10с; Н. Гинь — .25с; Н. Шестопал — 25с; С. Миронтчук — 25с; Лазар — 25с; Анатолий — 25с; М. Паратов — 1.00; И. Маевский — .10с; Эмл. Буданова — .50с и за журнал — .20с. Итого — 3.65.

Почтовые расходы по посылке денег — 41с. Остатка 3 дол. 24 сен.

По подписному листу в пользу тов. Н. Махненко:

Л. Гаргулинский — .10с; П. Гуля — .10с; С. Осандчук — .10с; А. Паргий — .05; В. Купина — .10; Е. Романчук — .10с; Салевич — .10с; Мельник — .10с; М. Сенюк — .10с; В. Канстанта — .05с; Ан. Карусгей — .05с; А. Анюсяк — .10с; И. Кривицкий — .10с; Дж. Шантал — .10с; Г. Кларк — .05с; М. Паратов — 1.00; Н. Гинь — .25с и И. Маевский — .25с. Итого 2.80.

Союз приносит благодарность всем жертвователям.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Отчет группы „Дело Труда" по розыгришу пишущей машинки.

ПРИХОД:

Акрон — 3.50; Балтимора — 5.00; Бетлегем — 2.50; Детроит — 5.00; Кливланд — 1.20; Нью Иорк — 2.50; Рочестер — 1.00; Сан Франциско — 5.00; Филадельфия — 12.90; Честер — 2.50; Чикаго — 8.10; Шенадор — 2.50 и Югстаун — 3.60. ВСЕГО 53.80

РАСХОД:

Лотерейные билеты — 3.50; Почтовые расходы — .70с; Переслано с мест. груп. в ред. „Д. Т." — 20.60; Переслано Филад. груп. в ред. „Д. Т." — 29.00. ВСЕГО 53.80

Тов. К. из Детроита, номер которого был выигрышный, отказал машинку в пользу журнала „Дело Труда". Все вырученные деньги от лотереи пересланы в ред. жур. „Дело Труда".

Всем тов. принимавшим участие в этой лотереи товарищеская благодарность.

Комиссия

Р. S. Уважаемые товарищи, вместе с этим отчетом, пересылаем вам денежный перевод на сумму 20.00 (двадцать долларов). Десять дол. остаток от лотереи, пять дол. за „Дело Труда" и пять дол. добровольный фонд.

Е. Белопол.

В РЕДАКЦИИ „Д. Т." ИМЕЕТСЯ ДЛЯ ПРОДАЖИ СЛЕДУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА:

П. Кропоткин: „Хлеб и Воля" 0.75
П. Кропоткин: „Речи бунтовщика" 1.00
П. Кропоткин: „Анархия, ее философия, ее идеал" 0.15
П. Кропоткин: „Современная наука и Анархия" 0.10
Большевистская диктатура в свете Анархизма 0.50
Новомирский: „Что такое Анархизм?" 0.45
П. Аршинов: „Два побега" 0.25
„Чикагская драма" 0.10
Элизе Реклю: „Речь о русской революции" 0.03
„Кому служит солдат" 0.03
Сборник, „П. А. Кропоткин и его учение" 0.50
Г. Максимов: „За что и как большевики изгнали анархистов из России" 0.10
Г. Максимов: „Мое Социальное Кредо" 0.05
Г. Максимов: „Рассвет—проводник русского фашизма" 0.05

ЛЕКЦИОННЫЙ ТУР ТОВ. МАКСИМОВА

Лекционный об'езд групп Федерации А.-К. Соед. Штатов и Канады тов. Максимов начнет 1-го декабря 1933 г. Об'езд начнется со средне-западных штатов. Первым городом будет Детроит, затем, по порядку, Кливеланд, Акрон, Юнгстаун с окрестностями, Балтимора, Филадельфия с Честером, Шенодором и др., наконец, Нью Иорк с окрестностями. Каждая группа должна сообщить в группу следующего за ней по порядку города о времени прибытия к ней тов. Максимова. Это нужно сделать незамедлительно: Детроит должен сообщить Кливеланду, Кливеланд — Акрону, Акрон — Юнгстоуну и т. д.

Лекции будут читаться на следующие темы:

В ДЕТРОИТЕ — 1. Кто, как и почему собирается спасать Россию; 2. Революционеры, контр-революционеры и признание СССР.; 3. Анархическая программа Социальной революции: Анархизм и Промышленность; 4. Анархизм и Земледелие; 5. Политический строй Анархии и Военная Защита.

В КЛИВЕЛАНДЕ — 2 лекции.

В АКРОНЕ — 1. Россия сегодня и завтра; 2. Революционеры, контр-революционеры и признание СССР.

В ЮНГСТАУНЕ — 1. Почему Кронштадт восстал против коммунистов; 2. Банкротство государственного социализма; 3. Анархическая программа социальной революции: Политический строй Анархии и Военная Защита.

В НЬЮ КЭСТЛЕ — 1. Анархическая программа социальной революции: Политический строй Анархии и Военная Защита; 2. Кто, как и почему собирается спасать Россию.

В АУСТЕНБУРГЕ — Одна лекция.

В БАЛТИМОРЕ — 1. Россия сегодня и завтра; 2. Божеская и человеческая мораль; 3. Банкротство государственного социализма; 4. Анархическая программа социальной революции: Политический Строй Анархии и Военная Защита.

В ФИЛАДЕЛЬФИИ, ЧЕСТЕРЕ, ШЕНАДОРЕ и др. — 1. Технократия и Анархизм; 2. Мировое анархическое движение; 3. Задачи и тактика анархистов в настоящем; 4. Россия сегодня и завтра и др.

В НЬЮ ИОРКЕ — 1. Национализм, патриотизм и интернационализм; 2. Фашизм — соломинка утопающего капитализма; 3. Банкротство государственного социализма; 4. Кто, как и почему собирается спасать Россию; 5. Россия сегодня и завтра; 6. Что такое Ленинизм?; 7. Переходный период и анархизм; 8. Задачи и тактика анархизма в настоящем; 9. Коллективизация.

Лекции в ближайших к Нью Иорку городах по соглашению с нью-иоркской группой.

В СТ. ЛУИСЕ — 1. Национализм, патриотизм и интернационализм; 2. Бакунин и его учение; 3. Мировое анархическое движение.

В ЧИКАГО — Лекции начнутся после окончания тура.

ВНИМАНИЕ!

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.